

Андрей Плеханов

Царь муравьев

«Автор»

Плеханов А. В.

Царь муравьев / А. В. Плеханов — «Автор»,

Они называют себя фрагрантами. Они способны управлять поведением других людей. Их раны зарастают на глазах. Кто они – члены тайной секты или новый биологический вид, пришедший на смену роду человеческому? Почему на них охотятся и жестоко убивают без суда и следствия члены таинственной организации чистильщиков? Влюбившись в девушку Женю, обладающую сверхъестественными способностями, хирург Дмитрий Бешенцев попадает в сообщество фрагрантов, живущее по странным, нечеловеческим законам, и оказывается вовлечен в кровопролитную невидимую войну, отголоски которой слышны и в мире обычных людей.

© Плеханов А. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Андрей Плеханов

Царь муравьев

Посвящаю моей жене Анне

Глупая доброта всегда рождает умную жестокость.
Джон Андайк

Глава 1

Ночь, жарница – градусов тридцать, не меньше. Зима, батареи жарят на всю катушку. Невыносимая духота – из десяти больных в палате как минимум трое мочатся под себя, а остальные моются только по принуждению, раз в неделю. Форточку не откроешь – не положено, окна забраны толстыми решетками, словно в тюрьме. Впрочем, эта больница и есть разновидность тюрьмы. И я – узник в ней, заключенный в наблюдательной палате.

Надеюсь, не навечно. Очень надеюсь.

Невыносимо хочется заснуть и мучительно не спится. Встать, сходить в курилку? Ночью этого не разрешают, но мне, само собой, разрешат, я пользуюсь многочисленными поблажками. Нет, полежу еще – часа не прошло с тех пор, как я в очередной раз ходил туда, сидел на лавке перед черным ведром, и, откинувшись на стену, тупо тарасился в потолок, покрытый желтыми разводами. И не курил, само, собой – не свойственна мне сия вредная привычка. Не поможет, только хуже будет – полезут воспоминания, растеребят душу. Попросить у медсестры снотворного? Нет, никаких таблеток. У меня на это особые причины, нельзя мне таблеток. Нельзя.

Большую часть жизни я провел в больнице. Только не подумайте, что я дохляк, мужик я здоровый и даже здоровенный. Просто я врач – профессия у меня такая. Во всяком случае, одна из моих профессий.

А вот сейчас сам стал пациентом. Хотя, смею заметить, могло быть и хуже. Есть места хуже, чем психбольница, много хуже. Например, тюрьма. Или кладбище.

Я лежу на койке у стены, ближе всех к открытой двери, под недреманным оком санитаря. Место считается не самым лучшим, но меня устраивает – здесь есть хоть какое-то движение воздуха и малая толика кислорода. Подальше от раскаленных батарей.

Психи, наркоманы и алкоголики, мои товарищи по палате (тамбовский волк им товарищ!) все как один дрыхнут, храпят, стонут во сне, выводят рулады носами и шумно ворочаются с боку на бок. Хорошо им, просто позавидовать можно. Плевать им на жару с высокой колокольни, они напичканы лекарствами до бесчувствия. Один только я не могу позволить себе лекарств, поэтому маюсь ночью от тоски и бессонницы, засыпаю к утру, и до обеда дрыхну без задних ног, пушкой не разбудишь. Лучше бы наоборот – днем хоть книгу почитать можно, но что тут поделаешь – я «сова», существо мрака, для меня привычно бодрствовать ночью.

Чем я только не занимался по ночам в своей жизни... Дежурства в больнице – это еще цветочки. Расскажу, не поверите.

– Задавила, задавила! – вскрикивает псих на койке рядом со мной. – Автобус, машина! Задавила!

Задолбал. Орет раза три за ночь, и никакой аминазин ему не помогает.

Зовут его Петя. Фамилию указывать не буду в целях неразглашения врачебной тайны, да и кому нужна его фамилия. Просто сумасшедший Петя. Когда меня только привели в отделение для спокойных, в эту палату, он сразу подошел ко мне. Я сел на койку и стал озираться, недо-

вольно оглядывая местный интерьер. А Петя, тощее и кривое чучело в поношенной пижаме (белая полоска – красная полоска) говорит мне:

– Это вы, Иосиф Семенович? Я сегодня шел по улице и видел как вас машина чикнула-задавила. Большая машина, автобус-запорожец. Задавила, чикнула, и все. Если бы я знал, что она вас задавит, я бы вас второй раз не родил.

Вот так и сказал.

А я сижу на кровати, тоскливо у меня на душе, оглядываю этот гадюшник и говорю:

– Я не Иосиф Семенович. Зовут меня Дмитрий Андреевич Бешенцев.

Меня и в самом деле так зовут, кстати. Будем знакомы. Не подумайте, что придумал я эту фамилию как псевдоним, досталась такая от рождения. Наверное, кто-то из моих предков имел плохой характер. У меня тоже характер не сахарный. Стараюсь держать себя в руках, но получается, увы, не всегда.

А ненормальный Петя раскачивается с ноги на ногу, руки его перебирают пуговицы на пижаме, глаза совершенно пустые, блекло-голубые, нос сломан в двух местах и неправильно сросся. И вот Петя продолжает свой словесный понос:

– Иосиф Семенович, я родился в русском городе Пенза, – говорит он. – Это было в 1820 году от начала Советской власти. Я вышел из живота своего отца, вот отсюда, – он распахивает полы своего полосатого рубища и показывает пальцем на живот – худой и изрядно волосатый. – При этом чрево отца моего разорвалось, но больно ему не было, потому что отец мой – шофер Чумаков. И тогда я пошел по миру, но отец мой, шофер Чумаков, едет за мной на большой машине, и чикает-задавлирует всех детей моих. И будет продолжаться так до тех пор, пока в автобусе отца моего не кончится бензин.

– А когда он кончится? – как бы наивно спрашиваю я.

– Никогда, – коротко и обреченно отвечает Петя. По виноватому его лицу блескуче пробегают слезы.

– Тогда вали отсюда, – резюмирую.

Как ни странно, Петя сразу же уходит, ложится на кровать и застывает в страдальческой позе, выставив коленки вверх под немыслимым углом. Я вздыхаю с облегчением и надеждой, что ни с кем из местных говорить больше не придется. Не тут-то было: подваливают сразу двое, по виду – явные уголовники.

– Земеля, закурить не найдется? – спрашивает один.

– Не курю.

– Все равно идем, побазарим.

Мы идем в курилку, садимся на лавочку и начинаем разговор. И тут же выясняется, что эта татуированная парочка – и впрямь уголовники, у каждого по две ходки в зону. Они воры («ворЫ», говорят они с ударением на последнем слоге). Слава богу, не убийцы, хотя кто их знает на самом деле. И не психи, это уже приятно. Хотя косят под психов – ну понятно для чего, чтобы избежать зоны.

Уголовную братию я не люблю, но не боюсь нисколько. Много мне с ними пришлось иметь дело, знаю, как с ними обращаться. Так что мы с ними вроде как коллеги.

Они рассказывают мне, что настоящих психов в нашей палате только трое. Еще трое – алконавты, от белой горячки отходят. А все остальные – уголовники и наркоманы, от зоны косят. В общем, милая компания собралась. А заведующий отделением, Григорий Давидович Касумян – мужик ничего, договориться с ним можно, но, само собой, за соответствующие и очень немаленькие бабки. Только тихо себя надо вести, права не качать, и медсестер за зады не лапать, а то в отделение для буйных переведут, а там хреново, там среди этих хроников самому шизануться – нечего делать.

Говорю, что я сам – врач. Жулики смотрят на меня с уважением.

– Тогда тебе вообще лафа. Чего ты вообще сюда полез? Без дурки разобраться не мог?

- Не мог. На воле меня бы замочили. Счастье мое, что сюда успел притыриться.
- За какие дела?
- За мутантов.
- Чего?

Жулики (обоих зовут Серегами), смотрят на меня с недоумением.

– В нашем городе полно мутантов, – объясняю я. – Они отличаются от обычных людей, но не светятся в открытую. И вообще про них почти никто не знает, а я знаю. Вот за это и пострадал.

– Так тебя сюда, что, мутанты упекли? – спрашивает один из Серег.

– Тут сложная ситуация, – уклоняюсь я от ответа. Не хочется говорить о подробностях.

– Я чо-то смотрел про мутантов, – говорит второй Серега. – Кино какое-то, «Люди Икс» или типа этого. Только мутотень все это, типа сказки. Не бывает такого в натуре.

– Еще как бывает, – говорю я. – Настанет день, и придут они править нами, и все тогда в мире станет по-новому. Мир возродится в объятиях проклятых. Вот тогда ты поверишь в них, Серега, ибо некуда будет деваться ни тебе, ни прочим простейшим.

– Все с тобой ясно, братишка, – Серега кидает окурок в ведро и поднимается на ноги. – Косишь ты под дурика, только коряво. Вот Петьку видел – там натуральная шиза, сразу видно. А твои мутанты-муданты здесь не проканоют, Давидыча такой лажей не возьмешь, он лепила¹ опытный. Придумай чего другое.

Вот так-то, никто мне не верит. Впрочем, я и не стараюсь, чтобы поверили, просто изображаю психа, как умею.

А началось все с обычного ночного дежурства.

Работал я хирургом. Больница наша – относительно небольшая для почти миллионного города. Хирургическое отделение вполне приличное, реанимация на среднероссийском уровне... не буду придираюсь, бывает и хуже. И три раза в неделю – в понедельник, среды и субботы – мы дежури́м по скорой помощи. Всех, с кем не удастся справиться дома при помощи таблеток и инъекций, привозят к нам.

Я отработал в этой больнице немало лет после окончания института. Все эти годы оперировал каждый день, и не по разу в день (иногда – до шести раз). Операции проходили по большей части удачно (скажу по секрету, бывают случаи, когда оперировать удачно просто невозможно, есть только выбор: останется пациент инвалидом или умрет). Меня ценили, я закончил ординатуру, теоретически мог бы стать заведующим отделением... Кажется, шло к тому, что таковым я и стану, потому что опытные хирурги выпархивали из нашей больнички как перелетные птицы и отправлялись в места, подходящие для более комфортного существования. А потом вдруг уволился и я – в два дня, с нарушением трудового кодекса и кривой записью в трудовой книжке. Надоело безденежье, насмерть запилила жена, нервы щелкнули и сорвались как перетянутая тетива. Я ушел из врачей – как в омут нырнул, заполненный не водой, а бензином, спермой, водкой, гормональными препаратами и прочими острореактивными жидкостями. И утонул в этом омуте с головой.

Занялся бизнесом.

Если это можно назвать бизнесом... Лучше назвать это как-нибудь по-другому, например, по-матерному. Но я не матерюсь принципиально – на фоне большинства людей, у которых нецензурная отрывка вылетает изо рта естественно, без малейших тормозов, моя персона смотрится анахронично.

¹ Лепила – врач (угол.жарг.). Здесь и дальше примечания автора.

Деньги, проклятые деньги... «Как хорошо было бы без них», – сказал писатель Александр Минчин. Без денег было бы хорошо, но нет, почему-то без них плохо, так плохо, что хуже не бывает, совсем ужасно. А когда денег вдруг становится больше, то все равно их мало. Их не хватает то хронически, то остро. Второе в чем-то даже лучше, потому что заставляет шевелиться и зарабатывать.

Моя бывшая женушка требовала немалых денег на поддержание своей жизнедеятельности. Вначале ее жизнедеятельность меня более чем устраивала, потом начала раздражать, а в конце, ближе к разводу, вызывала с трудом сдерживаемое бешенство.

Сейчас мне тридцать шесть лет, именно столько, ни больше, ни меньше. Кто-то скажет, что я уже старикан, кто-то позавидует моей молодости. Это не важно, важна разница в возрасте. Моя жена была моложе меня на одиннадцать лет, в этом все дело. Когда я женился, мне было двадцать девять лет, а ей восемнадцать. Когда мы начали с ней жить (спать с ней, умирать от любви друг к другу), ей было чуть больше шестнадцати. Не то что комплекс вины, нет. Просто я всегда нес за нее ответственность – опекал, вытирал нос, тер спинку в ванной, покупал ей все, вплоть до нижнего белья, выручал из всяких кретинских передрыг, в которые она любила и умела попадать. Кому-то нужна жена-мама. Мне – не нужна. Я люблю молоденьких девочек. Совсем молоденьких, инфантильных. Медленно, но неуклонно формирующийся Гумберт Гумберт² – вот кто я такой, прошу любить и жаловать. С каждым годом я становлюсь все больше Гумбертом Губертом – чем мне больше лет, и чем больше разница в возрасте между мной и теми девочками, которых я хочу.

Я не педофил, не маньяк и не насильник. Но со мной рядом должна быть тонкая девочка-подросток. Я не трону ее грубо, буду носить на руках, оберегать, и убью всякого, кто прикоснется к ней хоть пальцем. Я буду просыпаться ночью, приподниматься на локте и смотреть на нее, по-детски дышащую во сне, окутанную лунным светом, и чувствовать остро накачивающую, до слез, волну счастья, и не верить, что мне так повезло. И тихо прикасаться губами к щеке, боясь разбудить... И будить все равно – нечаянно, и убаюкивать, пока не заснет...

Именно такой была Любка, моя жена. Была...

До нее было немало девушек, но Любка настолько выделялась на их фоне, что я нарушил обет безбрачия и женился. Ни у кого из моих прежних подружек не было столь чистого личика, несущего печать неисправимой детской глупости, таких распахнутых настежь синих глаз, глядящих на мир с изумлением, такой доведенной до совершенства инфантильности, и такой неумной нимфомании, неконтролируемого и бесстрашного желания заниматься любовью где угодно и когда угодно. Любку можно было назвать «Ее Величество Нимфетка» – угловатая долговязая фигурка, прелестная в своей незрелости, голенастые журавлиные ноги, маленькая грудь, не требующая лифчика, обгрызенные ногти, мальчишечья стрижка, потрясающая неграмотность и идиотский сленг восьмиклассницы. Я влюбился в Любку насмерть. Даже не помню, как познакомился с ней и что было в первые месяцы после знакомства – все эти дни и ночи мы пожирали друг друга и не могли насытиться. Время несло с ревом, словно боевой истребитель. Едва я успевал проснуться утром в постели с ней, как снова оказывался в той же постели, опять же с ней, моей Любовью, но уже вечером. Я был по-настоящему счастлив, и она тоже. Я нашел то, что искал всю жизнь.

Мы поженились сразу, как только ей стукнуло восемнадцать. Можно, конечно, было расписаться на год раньше, но это стоило бы лишних хлопот и формальностей, а спешить не имело смысла. Мы и так знали, что никуда не уйдем друг от друга, потому что немыслимо было жить друг без друга, есть, дышать, мыться под душем, спать друг без друга. Наши родители благоволили нас – мои с облегчением («Наконец-то наш балбес остепенился»), ее замечательные

² Гумберт Гумберт – персонаж романа В. Набокова «Лолита».

родители, сами ненамного старше меня – с уверенностью, что доверили дочь доброму и надежному человеку.

Так оно и было, я был относительно добрым и более-менее надежным. Был, пока не бросил медицинскую работу и не занялся всякой дрянью.

Любка росла. Росла уже не под присмотром родителей, а под моей опекой. Само собой, я старался быть правильным мужем, наставлял девочку на путь истинный. Мне достался чистый лист бумаги, и я должен был начертать на нем верные знаки. Иногда мне это удавалось, но не слишком часто. Как-то получалось, что черкал я на листе-Любке корявым и неразборчивым докторским почерком, и больше уповал на волю господню, чем на методичность в воспитании. Я оказался плохим учителем.

Предполагалось, что Любочка поступит в институт, почему-то медицинский (мало было ее родителям моего несчастливого примера). Не смогла, не потянула, головы не хватило: знаний в красивой любкиной головушке было на удивление мало. Конечно, можно было определить ее на платное обучение, но никто из нас этой платы не потянул бы. Поэтому пошли путем наименьшего сопротивления – решили поступать туда же, но на следующий год. В следующем году Любка, естественно, опять пролетела, еще через год история повторилась – как и положено, уже в виде не трагедии, а бессовестного фарса. Не помогали никакие репетиторы и курсы. Учиться Люба не хотела – активно, вплоть до ненависти. Все в жизни давалось ей легко, за красивые глазки, и любую попытку заставить ее выучить хоть что-нибудь она воспринимала как насилие и внешнюю агрессию. В конце концов я вздохнул и сдался...

Она, разумеется, мечтала о модельном бизнесе – теперь все девушки об этом грезят. Я запретил безоговорочно, даже слушать не стал, несмотря на вопли, слезы и сопли. Знаю я этот модельный бизнес. Может быть, кому-то из длинноногих моделей и удастся избежать постели своих шефов, но Любке, в глазах которой написано жирным шрифтом **«Хочу трахаться!»**, это сфера деятельности абсолютно противопоказана. Не хочу сказать, что она имела намерение изменять мне, я все еще был для нее любимым героем, настоящим мужчиной, несравнимым с ее прыщавыми сверстниками, но я вовсе не был уверен в умении и желании Любы сопротивляться сильным рукам и умелым уговорам. И поэтому нашел для нее работу, которая казалась мне подходящей и безопасной – пристроил в библиотеку.

Я думал, что для нее это самое то, поближе к литературе и интеллигентным людям – авось начитается умных книг и поумнеет. Зарплата, конечно, нищенская – на фоне библиотечарей даже я, со своими пятью-шестью тысячами рублей в месяц, смотрелся богачом. Зато чисто женский коллектив – никаких соблазнов, царство высокой морали, возвышенные нравы, этакий заповедник культуры...

Я ошибся, своими руками загнал девочку в змеепитомник. Интеллекта Любка не набралась, зато вдоволь пообщалась с кобрами, эфами и гадюками и прочими ядовитыми тварями женского пола. При этом, замечу, людьми милейшими на первый взгляд. Ну да, понятно – я был представителем мужского племени, и в моем присутствии они дружно выглядели как дворянки, с отличием окончившие институт благородных девиц и чудом уцелевшие в классовых битвах. Эдакие нежно-кремовые орхидеи, цветущие на кучах пролетарского навоза. Однако, стоило бабенкам остаться наедине, они начинали грызться между собой – утонченно, с садистским удовольствием, так, как умеют это делать только несостоявшиеся филологи, забывшие язык лингвисты, неудачные историки и педагоги, до дрожи боящиеся школы.

Там было несколько неплохих дам. Были там и такие, не хочу мазать все беспросветно черной краской. Беда в том, что Любка плевать на них хотела. Она с удовольствием присоединилась к партии ядовитых стерв и начала перенимать их приемы – талантливо, без особого труда превосходя своих учителей. Еще раз повторю, что интеллектом Любка не блистала, но, как быстро выяснилось, житейской хитростью и умением встраиваться в любую обстановку черт ее не обидел. Приходя домой, милая женушка жаловалась на высокомерных уродин, что

весь день пьют кровь из нее, юной беззащитной девушки. Любка тихо плакалась на моем плече, и я жалел ее, и гладил по стриженному, самому лучшему на свете затылку, и целовал холодные щеки, и утешал, не подозревая, что она уже «в авторитете» среди рафинированных библиотечных мымр. Что она поставила удар, и с каждым днем все более близка к тому, чтобы стать законченной кровопийцей.

Странно, правда? Что было бы, если бы я отдал ее не в библиотекари, а в продавцы? Может быть, девочка не испортилась бы, выросла другой? Вряд ли. Некий изъяз существовал в ее душе всегда. Я не рассмотрел его, не мог рассмотреть, ослепленный не столько любовью, сколько лишающим разума физическим влечением. И была еще одна червоточина – на этот раз в моей собственной душе, в моем поведении. Я, привыкший считать себя обстоятельным и рассудительным, был по-своему инфантилен и туп. Я законсервировал в памяти образ девочки Любки – такой, какой она была до семнадцати. Я хотел быть вечным мужем-отцом по отношению к ней, вертел на жизненном проигрывателе одну и ту же мини-пластинку и не хотел ее менять. Желал вечно играть с любимым щенком, умиляться, глядя, как он валится на спинку и поднимает лапки, и как мило оскаливает свои малые острые зубки, и щекотать его теплое мягкое пузико...

Щеночек вырос, быстро превратился в матерую суку – куда быстрее, чем можно было предположить. И зубы у нее стали длинными и острыми, словно кинжалы. Не хочу винить Любу ни в чем – она просто стала собой. Стала тем, кем должна была стать от природы. Сказать, что это был урок мне – не сказать ничего. Скорее это можно было сравнить с бетонной плитой, свалившейся на голову, ведь я любил Любку, любил по-настоящему.

Я не сделал Любу несчастной – после развода она живет с мужиком на двадцать пять лет старше нее, дяденькой-бизнесменом – лысым, но в хорошей физической форме. Люба имеет все, что хочет, и не держит на меня зла. Но испортил ее именно я. Если бы я был настойчивее в попытках заставить ее получить образование, привить некие этические принципы, возможно, она стала бы другой, более правильной. Хотя что значит «правильный человек»? Каждый имеет на этот счет собственное мнение. Вероятно, мои собственные принципы были слишком размытыми, а жизненная позиция – аморфной (точнее сказать – бессовестно пофигистской). Вот и огреб я по маковке.

За «муки» на работе Любке полагалась моральная компенсация. Иногда это были походы в кино – увы, редко, потому что кино было лучшим из вариантов. Чаще всего мы ходили на дискотеки. Любка называла это словом «колбаситься». Дискотеки назывались «ночными клубами», но сути это не меняло. Суть была именно такова: мы ходили на дискотеки и там танцевали. Танцевала в основном моя женушка – любила она это занятие до самозабвения, а меня надолго не хватало. Не могу воспринимать в качестве музыки электронную бухотню, когда ритм монотонно вколачивается в уши подобно ударам автоматического молота. Бдым-бдым-бдым-бдым! (и так еще шестьсот строчек «бдым-бдым» подряд, безо всяких вариаций, а потом песня кончается, секундное полузатишье и агония танцпола, а потом шестьсот-семьсот строчек какого-нибудь к примеру, «бдышь-бдышь», и так далее, до посинения).

Музыкой для меня, выросшего на издыхании Советской империи, а потом во времена перестройки, были рок и блюз. И даже больше – блюз. Любка его терпеть не могла. Раз пять я притаскивал ее в каменный прокуренный подвал, где играли блюз – естественно, вживую, где пили пиво и жрали толстенные свиные отбивные и недожаренные телячьи бифштексы с кровью. Я лично знал всех людей, кто там присутствовал – и посетителей, и музыкантов, и чокался с ними кружками (пиво плескалось и плевалось пеной), и орал, потому что возможно было только орать друг другу в ухо, чтобы услышать хоть что-то. Мы танцевали допотопные танцы, придуманные по ту сторону Атлантики ровесниками наших отцов, топтались на деревянном скрипучем полу как стадо перекормленных слонов (ко мне это не относится, я слон поджарый, но, боже мой, как же толсты многие из моих ровесников...) и ловили откровенный

общедружеский кайф. Временами мы убегали в подсобное помещение, чтобы затянуться сладкой травой – по случаю чьего-нибудь неизменно приключаящегося дня рождения. В общем, это был праздник жизни – для всех, только не для Любки. Она не курила траву, не переносила пива, не могла слушать блюз. Ее тошнило, когда она смотрела на рок-н-рольные телодвижения, кажущиеся нам крутыми и даже изящными. Ее тошнило все время, пока она находилась в блюз-клубе, она постоянно бегала отдышаться на свежий воздух, на мороз в маечке, неизменно простужалась и начинала сипеть. И вылечить ее мог, похоже, только попсовый ритм на танцполе, среди сотен медленно извивающихся и озаряемых синими вспышками подростков – то место, где долго не мог находиться я.

Странно устроена жизнь. Мы оба любили клубы, музыку и общение, но компоненты кайфа были у нас не то что разными, а даже противоположными.

Надо же, разница в возрасте всего одиннадцать лет, и такие различия во взглядах. Мы, старшие, полагаем себя настоящими, состоявшимися людьми. А они нас – анахроничными, не понимающими новой жизни занудами. При этом они почему-то постоянно просят у нас денег, потому что сами зарабатывать не умеют.

Похоже, я начал брюзжать по-стариковски. А ведь мне всего тридцать шесть. Нехорошо как-то с моей стороны, глупо как-то. Да и с чего мне жаловаться, все в моей жизни замечательно: я сижу в психушке, не будучи уверен, не окажусь ли я вскоре на том свете; я не знаю, жива ли моя любимая девушка (другая, совсем уже не Люба, рассказ об Евгении будет позже); я имею отличные шансы, что завтра поутру меня заберут из больницы и пристрелят спокойные люди в темно-серых костюмах.

Прошу прощения – мой рассказ про Любку слишком затянулся. Я ною и жалуюсь, и рассказываю про нее всякие гадости. Наверное, нужно было бы сказать про нее, что она умерла, что ее сбила машина, или зарезали какие-нибудь ублюдки, или она заболела неизлечимой формой рака. Тогда ее история закончилась бы сентиментально, вы бы всхлипнули, и я заплакал бы вместе с вами, и мы помянули бы Любу светло и облегченно. Но нет – она не умерла, живет счастливо, только вот детей пока не завела, но заведет, я не сомневаюсь. В какой-то мере ее жизнь оказалась более правильной, чем моя, хотя в то время, когда мы жили с ней, сказать такое никак было нельзя.

Я уже говорил, что не могу танцевать под электроклэш и прочий эсид-хаус, травмирующий барабанные перепонки. Я отработывал на танцполе минут двадцать, а потом бросал Любку и шел играть в бильярд. Она изображала, что немножко обижена, я делал вид, что мне чуть-чуть стыдно. На самом же деле мы наконец-то добивались до того, чего хотели действительно: я – до знакомых в бильярдной, пива и десятка партий в пул, она – до своей компании и танцев до упада. Она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Счастливой настолько, что я уже не был нужен ей – во всяком случае, до следующего утра.

Это сумасшествие продолжалось четыре года. По утрам я клевал носом, пытаюсь не заснуть на операциях, не уронить внутрь разрезанного мною чрева скальпель или зажим. Думаю, вы не обрадовались бы, узнав, что вас оперирует хирург, который до трех ночи *колбасился* в ночном клубе, да и сам я не слишком радовался своему квелому состоянию. Я валился с ног и пытался урвать по десять-пятнадцать минут сна между операциями – на стуле, прямо в халате, содрав с себя только резиновые перчатки. И урывал. Медсестры относились ко мне с сочувствием; пожилые – потому что и не такое видывали; молодые – потому что знали, что у меня юная жена и я уделяю ей много внимания. По крайней мере, я не был алкоголиком, редко выпивал больше трех кружек пива за вечер, и утром от меня не тянуло перегаром. С хирургами-алкоголиками бывает куда больше проблем, чем со мной, ночным клубным гулякой – можете поверить.

Я знаю, о чем вы хотите спросить меня. «О чем ты думал?» – вот что вы спросите. Скажу вам просто: я не думал ни о чем. Не хотел видеть ничего, что меня не устраивало, потому и не

видел. Женившись на Любке, я получил все, что хотел, и на этом мое развитие затормозилось. Подспудно я понимал, что вечно так продолжаться не может, что со временем все изменится и скрытые гнойники прорвутся, но всеми мыслимыми способами оттягивал время кризиса. Кому нравится быть больным?

То, что я уволился из больницы, было проявлением все того же комплекса Г. Гумберта, попыткой обмануть самого себя. После третьего выговора с предупреждением о неполном служебном соответствии (какая уж тут дальнейшая карьера, да и кому она нужна?) я пошел к главному врачу и сказал, что ухожу. Куда? Не важно. Есть места получше, сказал я. Главный был расстроен. Он был славным человеком, заботящимся о своих сотрудниках, насколько это было возможно, но в тот момент мне не до него. Я хотел отоспаться.

Хирургия – тяжелейшая работа. Если оперируешь по пять раз в день, то неизбежно натренировываешься – как спортсмен, год за годом нарезающий круги по стадиону. Во время несложных рутинных вмешательств, вроде аппендицита, сопоставления костных обломков или грыжесечения, не устаешь, потому что работаешь автоматически. Увы, человеческий организм – не машина, он плохо поддается стандартизации, и никогда не знаешь, какие сюрпризы поджидают тебя в очередном теле, загруженном наркозом и недвижно распластанном на столе. Идешь на аппендицит и обнаруживаешь опухоль слепой кишки размером с кулак. Или, к примеру, делаешь репозицию у бабушки со старческим переломом шейки бедра, и в ходе операции нечаянно ломаешь хрупкую, отжившую свою кость еще в двух местах, и понимаешь, что бабуле уже никогда не встать на ноги. Всякое бывает... Не буду утомлять вас медицинскими подробностями.

Все бы ничего, если бы за такую работу достойно платили. Однако, платят сущие копейки, на жизнь не хватает хронически, и в конце концов в голове начинает крутиться навязчивая идея, что тебя не просто не уважают, а относятся оскорбительно. Конечно, большинство хирургов, как и другие врачи, выкручиваются – получают от пациентов денежные вознаграждения, не отказываются от подачек мясом, колбасой, коньяком и прочими твердыми и жидкими продуктами. Также врачи способствуют бесплатной госпитализации людей, не прописанных в городе (в основном – лиц кавказской и среднеазиатской национальностей), помогают детям обеспеченных людей уклоняться от армии, выписывают фальшивые справки, и много еще чего... Не укоряйте меня – я делал то же самое, но, увы, не слишком часто, потому что возможности для этого предоставлялись редко. Для того, чтобы иметь левый заработок, нужно работать в престижной клинике. В престижную больницу обращаются люди с достатком, они сразу настроены на то, что им придется платить. В крупных клиниках развита сеть официальных платных услуг, и в большинстве случаев ты спокойно посылаешь пациента за квитанцией, и не вздрагиваешь от малейшего шороха в ожидании того, что за тобой придут люди в синей форме, дабы схватить за руку и обвинить во взятке. В нашей же больничке лежат в основном «бесплатные» бабушки и дедушки, на которых государству наплевать.

Я мог бы мигрировать из своей клиники в более престижную, или даже частную – предложения были. Но вместо этого бросил медицину совсем – решил, что так будет проще и денежнее. А еще я устал. Устал за годы безотрывной пахоты без нормального сна.

Я ушел в бизнес, стал владельцем спортивного клуба. Вот так круто, сразу.

Не подумайте, что я накопил денег за годы медицинской работы – ни копейки не отложил. Все было по-другому: один из пациентов, которого я удачно прооперировал при множественных проникающих пулевых ранениях (говоря откровенно, вытащил его с того света), давно предлагал работать у него. Звали его Виктор Артемович Овчаренко, в криминальных кругах он был известен под кличкой «Некрасов». Кличка была дана в честь великого поэта, хотя у Некрасова и «Некрасова» не было ничего общего, кроме сочинения стихов, в случае Овчаренко – совершенно грубых и лагерных, с обилием ненормативной лексики. Вот типичный пример виршей Виктора, как сейчас его стишата помню:

А когда ты Катька
Сосала свой чинарик
Вспомнил как ты сука
Мне делала минет.
А когда я выйду
В гроб тогда ты ляжешь
Только вот я выйду
Через десять лет.

Такая вот народная лирика...

Во внутренних органах нашего города об Овчаренко не могли говорить спокойно, всегда присутствовало желание припаять ему очередную статью и посадить в тюрьму. Несмотря на открытую нелюбовь правоохранительных структур, Некрасов сидел только один раз, и то относительно недолго – четыре года в колонии общего режима. В последние годы он стремился к максимальной легализации своих грязных дел, и одним из проявлений этого стал мой спортивный клуб.

Клуб, именуемый «Здоровый Дух», не был ни закрытым, ни элитным. Теоретически, туда мог прийти любой, заплатить за посещение и начать заниматься. Но стоило увидеть морды тех, кто тягал там штангу, бежал по дорожке, парился в сауне или плавал в бассейне, желание пропадало надолго, если не навсегда. «Здоровый дух» был известным местом накачки бандитов, а также их реабилитации после костоломных «разборок». Он существовал уже три года, и единственное, чего ему не хватало – хорошего врача. Таковым стал я, а заодно и «владельцем». Некрасов предложил, а я не смог отказаться. Да и не собирался отказываться – напротив, предложение мне очень понравилось. Клуб дали мне в своеобразный «бесплатный кредит» – через пять лет добросовестной работы я должен был стать действительным его владельцем. Некрасову не было не жалко такой мелочи, у него подобного добра было навалом, а вот хороший врач и костоправ нужен был для его ребяток позарез. Я согласился и пожалел об этом уже через месяц, однако проработал целых три года. Владелец клуба так и не стал, и слава богу. Теперь я понимаю, что истинным хозяином такого заведения может быть только бандит.

Поначалу особых трудностей в новой работе не выявилось. В три часа пополудни я открывал зал, лениво наблюдал за бабушкой-уборщицей, моющей пол, вытирающей тренажеры и железки. Дальше лично контролировал смену воды в небольшом двадцатиметровом бассейне. Воду меняли каждый день, и вначале я недоумевал, почему так часто, но позже, когда влез в криминальные понятия, то понял, почему. Включал на разогрев электротехнику сауны и начинал ждать посетителей. Согласитесь – ничего трудного и сколько-нибудь обременительного, фартовая работенка. Более того, до пяти вечера, когда зал начинал заполняться людом, я занимался собственным здоровьем: крутил педали велотренажера, бегал по черной ленте беговой дорожки, совершал подход за подходом на тренажерах, и чувствовал, как с каждым днем укрепляются мои мышцы и становится выносливее сердечно-сосудистая система. Я добросовестно потел, а потом шел в душ и смывал трудовой пот, и нравился сам себе, когда разглядывал себя в зеркала, во множестве вмонтированные в стены. Я нравился себе, и все больше нравился Любке (в первую очередь, думаю, из-за резко выросшей зарплаты), и вполне нравился моим новым клиентам.

А вот мне они не нравились совсем. Но мое мнение (впрочем, как и раньше, как и всю мою дальнейшую жизнь) никого не интересовало.

Эти люди называли себя «люди». Слово «человек» означало в их устах вовсе не отношение к виду «гомо сапиенс», а принадлежность к криминальной среде. Особи некриминальные в этой среде людьми не считались, для них существовали такие понятия, как «лохи» и «фра-

ера». Иногда «люди» называли себя «братвой», но редко, в состоянии подпития. Вы спросите, что делает пьяный человек в спортзале? Качается, скажу я вам. Тягает железо, с остервенением лупит боксерский мешок и, распарившись в стотридцатиградусной сауне, в полубесчувственном состоянии, голый, криво боком рушится в бассейн – охладиться. А теперь спросите: есть ли у такого человека шанс получить сердечный приступ или утонуть в том же бассейне? Есть, отвечу я вам, еще какой шанс! Море шансов, особенно если перед заходом в сауну, клиент закинулся «герычем», то есть пустил по вене дозу героина. Угадайте, кто должен спасти бедолагу, отстоять его жизнь в жестокой борьбе со смертью для дальнейшей успешной противоправной деятельности? Вы не ошиблись. Герой-спаситель – я.

Опять хочется выругаться, но не буду, нужно следовать принципам. Тогда, когда я работал «владельцем» клуба, я не ругался, и теперь, когда сижу в психушке, тем более не буду.

Треть моих посетителей была наркоманами. С ними было хлопотнее всего – алкоголики по сравнению с ними кажутся невинными агнцами. Алкоголиков была еще треть. Естественно, они не считали себя алконавтами, и даже намека на это не стоило – можно сразу схлопотать по морде. Просто они напивались каждый день, зачастую прямо в спортзале, ну и делов-то? День был тяжелый, вот и вмазали, отдохнули. И завтрашний день будет тоже тяжелым, и завтра опять вмажем, отдохнем. А физкультура, бассейн, сауна – это ведь для здоровья, да? Поэтому, док, не дрейфь – спирт он ведь с потом выходит, да? Чо ты мне базар ведешь, что не выходит, если я тебе говорю, что выходит? Это я тебе сказал, а не кто... Ладно, док, кончай трендеть, пойдем лучше вмажем. Чо значит не будешь? Вискарь чистый, Джонни блин Вокер, ты такого в жизни не нюхал. Пойдем, док, накатим...

«Док» – так они меня звали. Естественно, от слова «доктор». Они знали, что я выходец из другого, лоховского мира, и не забывали об этом напомнить, но уважали меня. Я сумел себя правильно поставить.

Оставшаяся треть не пила и не употребляла наркотиков. Именно она и была, так сказать, элитой криминального народа. Алкаши и наркоманы были для них расходным материалом. Все наркоманы были молодыми парнями, и не заживались долго – мерли как мухи. Алкоголики, как водится, отличались куда большей живучестью, но после сорока в спортзал не ходили – здоровье не позволяло. А вот люди «элиты» заботились о себе по полной программе – боксом, бодибилдингом и прочими травмоопасными вещами не баловались, предпочитали беговую дорожку, велотренажер, сауну и бассейн. А еще им полагался массаж (у нас работали два отличных массажиста), иглорефлексотерапия (это пришлось освоить мне), магнитотерапия и даже, при желании, солярий.

Казалось, жить можно было припеваючи, но отчего-то я не припевал. Не нравились мне эти люди, и все тут. Можно сколько угодно романтизировать криминал, снимать всякие «Бригады» и «Бумеры», но тесное общение с уголовниками никакого удовольствия интеллигентному человеку не доставляет. В течение первого месяца я раз пять получил по физиономии за то, что ляпнул что-то не по «понятиям», и извинений, само собой, не дождался. И тогда я решил, что мне нужно научиться драться.

Возможности для этого были: при клубе существовал некий «кружок» боевых искусств, вел его бывший мастер спорта по самбо, неоднократно судимый и много сидевший Иван Дыряхин, по кличке Бритый. Был он, нужно заметить, не просто бритый, а лысый –квадратный тип с громадными лапищами, весь состоящий из мышц – не то что железных, а буквально вольфрамовых. Ваня Бритый отличался злым и вспыльчивым характером, людей не любил, по причине выбитых зубов говорил неразборчиво – в общем, в образцовые учителя не годился. Однако учил желающих – по личной просьбе Некрасова. Желających, как вы понимаете, было немного, мало кому хотелось бегать и прыгать по залу, отжиматься, приседать и делать растяжку. Еще меньше хотелось отрабатывать друг на друге боевые приемы, выслушивая раздраженные крики Бритого, а временами и получать от него основательных тумаков за недостаточный энтузиазм.

Однако человек пятнадцать посещали секцию регулярно – в основном молодые, только пришедшие в «бригаду» парни. Делали они это по настоянию все того же Некрасова. Настоянию, равному безоговорочному приказу.

Тяжело мне пришлось вначале... Когда-то, в студенческие годы, я занимался карате, тогда это было модно. Занимался без особого усердия, да и организм был куда моложе, легче все переносил. Теперь было по-другому: Бритый гонял нас жестоко, до белых кругов перед глазами, и заставлял бить в полную силу. Не убивали мы друг друга только потому, что были одинаково неумелыми (для умелых была отдельная секция, в другом спортзале, и с ними занимался нормальный тренер, не уголовник). На пару месяцев это избавило меня от посещения танцулек, Любка ходила на дискотеки без меня. Через два месяца я выбрался таки в ночной клуб, сорвался и избил троих наглых мордovorотов, тусующихся, оказывается, вокруг моей женушки, и предъявляющих на нее какие-то права. Меня загребли в ментовку, но я успел позвонить куда надо. Ребятки Некрасова приехали и забрали меня из участка, даже не заплатив денег, к разочарованию ментов. А потом мы вернулись домой, и Любка плакала и просила прощения, и мы занимались с ней любовью бешено, с остервенением. А на следующий день притащили троих избитых мною качков, кинули к моим ногам, положили мордами на пол и спросили, сам я их добыю, или сделать это за меня. Я отпустил их, пальцем не тронул, чем заслужил неудовольствие ребятки Некрасова. Но к тому времени я уже мог выбирать, что мне делать, потому что за два месяца слегка научился драться. «Слегка» означало, что в спарринге я за пять минут укладывал любого парня из моей секции, а Бритый укладывал за полминуты меня – запросто, без вариантов. Это говорило о том, что определенные способности бойца у меня обнаружились, но учиться предстояло еще долго и тяжело.

Итак, я отработал на Некрасова два с половиной года. За это время я не стал матерым жуликом, так и остался доктором на контракте. Но насмотрелся, поверьте, всякого. У бандитов есть обычай время от времени устраивать разборки с применением всяких острых ножииков, и пальбой друг в друга, и просто интенсивным мордобоем. После такого действия, именуемого на их языке «стрелой», в больницы города попадает от пяти до тридцати разрезанных, полomанных и простреленных братков. Смерти при «стрелах», как ни странно, случаются нечасто, убийства уголовных авторитетов – отдельная отрасль экономики, и к ней я не имел отношения. А вот к покалеченным браткам отношение имел самое непосредственное. К ужасу своему, я быстро обнаружил, что пострадавшую при разборках молодежь привозят и складировуют штабелями именно в моем спортзале. По высочайшему распоряжению Некрасова я стал проводить первичный врачебный осмотр, оказывать первую помощь и определять, кто уйдет на своих ногах, кто сможет вылечиться дома, без привлечения лишнего внимания, а кого нужно госпитализировать, и если такое необходимо, то в какую больницу и к какому врачу. Список врачей, обслуживающих ребятки Некрасова, я получил, с этим проблем не было. Проблемы были со мной. Меня постоянно дергали на работу, в спортивный клуб, ставший вдруг полемым госпиталем – и днем, и ночью. В это время междубандитские разборки в нашем городе перешли в стадию обострения – Некрасов рвался наверх, ему, само собой, все мешали, братва стреляла друг в друга, и за мной приезжали чуть ли не каждую ночь. Я начал уставать снова – больше, чем на нормальной больничной работе. Эти люди почему-то считали, что если я врач, то могу спасти их подстреленных коллег простым наложением рук, без посредства необходимых инструментов. Люди орали на меня, сочетая в своей речи вульгарные матюки и уголовную феню. Они пытались ударить меня, если им что-то не нравилось, а не нравилось им все. Через три месяца я дошел до ручки. Я пошел к Некрасову и сказал, что меня это не устраивает, что мы о таком не договаривались, и все такое прочее. Я бледнел, потел и нервничал – общаться с бандюком, когда он лежит на кровати весь в дырках от выковыранных пуль, слабенький, весь в твоей власти, и когда он здоровый, на своем рабочем месте, весь в бандитских непонятных тебе условностях – это, как говорится, две большие разницы. Некрасов и бровью не повел –

спросил, какие инструменты мне нужны, и сказал, что завтра все будет куплено (и было куплено, а вы сомневались?). Выдал мне третий сотовый телефон (к тому времени у меня было их уже два) – специально для связи с «правильными» врачами. И лениво сказал, что не добавит мне ни копейки бабок, что я и так до хрена получаю, а получал я тогда более чем достаточно, вы бы просто обзавидовались, если бы узнали, сколько. И еще заявил, чтобы я не дергался и работал свое дело, потому что если я не пойму, как мне сейчас хорошо, то завтра же пойму, как может быть плохо.

Я заткнулся и продолжил «работать свое дело». Не могу быть благодарным Некрасову: благодарность – душевная субстанция, и не подлежит рациональному контролю, но немалый жизненный опыт я приобрел именно благодаря ему. Это пригодилось, когда судьба моя начала выписывать хитрые коленца.

Дрянная была работенка. Бандиты и жулики – народ нервный, грубый, хорошего обхождения не понимают, наезжать на них надо умеючи, иначе хлопот не оберешься. Я старался вести себя правильно, но все же регулярно нарывался на неприятности. Один раз нарвался крупно: умер один парнишка, прямо в спортзале, я и сделать ничего не успел. Огнестрельное ранение головы, полбашки разворочено. Этим олухам нужно было везти его прямиком в нейрохирургию, а не в спортклуб, и то вряд ли бы успели. Принесли его, я кинулся со шприцом, но через минуту он перестал дышать. Он лежит на полу весь в крови, я стою рядом с ним на коленях, щупаю пульс – нет пульса. «Все, – говорю я, – умер парень». А у парня был брат – он, собственно, его и привез. Не знаю какой нрав был у покойного, я его вообще в первый раз видел, но вот у братца его, к сожалению оставшегося в живых (лучше бы его шлепнули), характер оказался препоганейший. Он устроил жуткую истерику. Если в истерику впадает какая-нибудь дамочка – тоже не подарок, но по крайней мере не опасно для вашей жизни. А когда начинает психовать амбал двухметрового роста, опасный, как медведь-гризли, это, скажу я вам, совсем плохо. Верзила по имени Егор никак не мог поверить, что его братишка покинул, образно выражаясь, земную юдоль, он хватал меня за грудки и требовал, чтобы я немедленно привел пацана в чувство. Обстановка в зале накалялась, присутствовало множество пьяных и расторможенных бандюков, единственный, кто казался адекватным – шеф «бригады» – начальник над Егором и всеми прочими. Он запретил везти убитого парня в больницу – мол, раз уж умер парняга, так чего светиться. Это довело Егора до ручки, он кинулся на меня с ножом. Естественно, я прибег к самообороне. Прежде чем нас успели растащить, я разбил ему морду в кровь. Ну да, сорвался я, не выдержал – достал меня сей отморозок хуже некуда. Непростительная ошибка с моей стороны.

Егор был не из тех, кто испытывает пиетет перед докторами. Я уже говорил, что для многих нынешних «клиентов» я был человеком третьего сорта, потому что упорно отказывался перенимать уголовные замашки. А для Егора стал врагом номер один – он твердо решил, что именно я угробил его братца. По идее, мне нужно было сразу пойти к Некрасову и доложиться: так мол и так, наезжает на меня человек без причины, и дело замяли бы «по понятиям». К сожалению, я пренебрег бандитскими условностями и поплатился – через три дня сам оказался в нейрохирургии с проломленной головой.

Повезло, что не убили. Отдубасили меня ночью, когда я возвращался из гаража домой. Поставил машину, все чин-чинарем, подхожу к подъезду. И тут эти пятеро. Егора, само собой, с ними не было, я видел этих жлобов впервые в жизни. Я оборонялся, свалил троих с ног, но два остальных оказались достаточно резвыми и умелыми. Огребли меня чем-то тяжелым по затылку. Дальше ничего не помню.

К счастью, обошлось без трепанации черепа, хотя мозговое кровоизлияние я все же словил. Я пролежал в больнице полтора месяца, а полностью оправился только через полгода. И еще потерял способность к обонянию.

Кроме затылка, мне сломали нос, но это полбеды. Есть такая костная пластинка, по-латынски она называется «*lamina cribrosa*», «продырявленная». Сквозь нее от мозга отходят тонкие нити – обонятельные нервы. Они проходят через отверстия в пластинке и закачиваются чувствительными окончаниями в слизистой носовой полости. Так вот, при сильнейшем ударе пластинка сдвигается и разом перерезает все нити-нервы. Здорово? Именно это со мной и случилось. Обоняние в таком случае не восстанавливается никогда. Неприятно, конечно, но жить можно. Это вам не глаз лишиться.

А когда я вышел из больницы, то обнаружил, что лишился Любки. Дела у нас с ней в последние два года шли наперекосяк, ругались мы постоянно, ее любовь ко мне угасла и сменилась полным равнодушием. Деньги мои ее по-прежнему радовали, а вот я – нет. Не буду рассказывать подробности того, как мы с ней отдалялись друг от друга, как ругались и мирились, не хочу портить настроение ни вам, ни себе. Во всяком случае, в больницу ко мне она пришла всего раза три, а потом и вовсе перестала навещать. Дома я обнаружил пустоту – она забрала все свои вещи, а именно они составляли большую часть того, что заполняло комнаты. Сзвонились, встретились в кафе... Она сказала: «Я подаю на развод». Я сказал: «Ладно, что ж тут поделать». Она сказала: «Не сердись, ладно?». Я не удержался, слезы потекли из глаз. «И как же ты будешь без моих денег?» – спросил. «Это не проблема, не беспокойся», – ответила Люба, и я понял, что она уже нашла кого-то с деньгами.

Очень тяжело мне тогда было, еле выбрался из депрессии. Родители помогли. Они всегда поддерживают меня, непутевого. Всегда. Дай вам бог таких родителей.

Подвожу итоги. Что дали мне три года работы с бандитами? Я научился драться. Я познал криминальный мир и усвоил, на чем стоит мир обычный, как бы не криминальный, но пропитанный дрянью всякого сорта как торт «Наполеон» – маслом и сгущенкой. Я разошелся с Любкой, потерял любовь. Тогда это казалось невыносимым, почти концом жизни, но в действительности передвинуло меня на очередную ступень, освободило в душе место для новой, настоящей любви.

Я отпахал на Некрасова два с половиной года, а потом ушел и снова стал работать хирургом в своей больнице. Вряд ли бы я «откололся» незатейливо, без разборок, без наездов и увечий, но помог случай. К Некрасову пришли сразу два врача – молодых, амбициозных, и без особых моральных предрассудков. Откровенно говоря, они были подонками – таких я не пустил бы и на порог больницы. Они были готовы делать все что угодно, никаких тормозов у них не наблюдалось. По воровским понятиям они возвышались надо мной, как облака над навозом. Некрасов, накопивший к тому времени ко мне кучу претензий, начал подумывать, как бы выдать меня из «хозяев» спортзала, не прибегая к смертоубийству. Я облегчил его задачу – ушел сам, отказался от прав на владение клубом, заверил, что ни словом не обмолвлюсь о том, что знаю и что видел, сказал, что эта работа не для меня, что возвращаюсь на то место, что предназначено мне богом. Некрасов, как и многие уголовники – верующий человек. К сожалению, формальная вера в бога не мешает им воровать, грабить и убивать, для них главное – носить на груди огромный крест, дружить с каким-нибудь священником и временами с помпой посещать церковь, чтобы пожертвовать денег. Некрасов почесал в затылке, решил вдруг, что меня надо отпустить с миром, и отпустил.

Тогда я думал, что все плохое кончилось. Я ошибался, впереди меня ждало много увлекательных приключений.

Черт бы их побрал. Приключения хороши тогда, когда случаются не с тобой.

Глава 2

Все началось с обычного дежурства. Я вернулся в свою больницу на ставку хирурга, и сразу же выяснилось, что есть только работа ночного дежуранта. Это не испугало меня – напротив, обрадовало. К тому времени я окончательно стал ночной тварью. Дневной свет не убивал меня как вампира, всего лишь вгонял в сон, зато ночная тьма пробуждала и бодрила. В этом нет ничего мистического – миллионы людей в нашем мире являются «совами», и мучаются от того, что им надо пробуждаться в семь утра (а то и в пять, о боже!), реанимировать себя разными способами, включающими лошадиные дозы кофе, массаж ушных раковин и отвратительный ледяной душ. Они пробуждаются, пинками выгоняют себя из согретых постелей, обрекая одеяла и подушки на мертвецкий холод, и улитками ползут на работу, проклиная судьбу. Большая часть по-настоящему созидательных людей, коих я встречал, была «совами». Все подлизы без исключения – «совы». А вот мэры, чиновники, классные руководители, больничные регистраторы, вахтеры и прочие люди, прямо или косвенно регламентирующие нашу жизнь, как правило – «жаворонки». Они достигли видимости успеха благодаря тому, что встают раньше. Они бессовестно строят по ранжиру нас, «сов», и заставляют жить так, как удобно им. Это неспроста: «жаворонки» принижают нас и низводят до своего интеллектуального уровня. Уже в этом заложена великая несправедливость современного, помешанного на социальном и экономическом успехе общества, и следует задуматься над тем, как это исправить.

Чего стоит одна только пословица: «Кто рано встает, тому Бог подает». А тем, кто встает поздно, что – кукиш? Это дискриминация! Или вот еще по-английски: «Early to bed and early to rise, make the man healthy, wealthy and wise». Тьфу, даже переводить не буду бессовестный стишок, кто знает язык, сам переведет. И такому учат детей!

Я бы разделил людей на две расы: «совы» и «жаворонки», и дал им равные права, чего до сих пор не было. Люди борются, и небезуспешно, за права геев и лесбиянок. Скажу честно, что до сексуальных меньшинств мне нет дела, больше меня волнуют права «сов». Есть, конечно, и третья раса – подлизы, они же фрагранты. Но о них позже.

А теперь о том, что произошло в ту злосчастную ночь.

В три ночи «скорая» доставляет в приемный покой зверски избитого молодого человека. Его подобрали на улице, в луже крови, в бессознательном состоянии. Паспорта нет, документов – никаких. Выглядит так, словно упал с десятого этажа, а по пути зацепил все балконы. Но я опытным глазом определяю, что его отмутили – насмотрелся я такого за свою жизнь. Совершенно непонятно, каким образом жизнь держится в его изувеченном теле: три открытых перелома, живописная картинка, острые концы костей торчат из мяса, и неизвестно сколько переломов закрытых. Лицо – всмятку, трудно даже назвать лицом то, что осталось. Живот вспорот сверху донизу и кишки вылезают наружу. В общем, понятно, что парня не просто побили, его убили, но почему-то не до конца. Что интересно, молодой человек одет весьма прилично, не какой-нибудь бомж: дорогуший костюм из тонкой шерсти, галстук из бутика, напрочь вымокший в крови, пижонские ботинки из натуральной змеиной кожи, в кошельке пять тысяч баксов (я заверял опись), и ведь не тронули деньги! А зачем же тогда убивали? Странные убийцы нынче пошли.

С бомжами легче – умрет вонючка, и дело с концом, никому он не нужен, в морг его, в сыру землю или в анатомку, на запчасти разбирать, студентов учить. А вот у такого раздетого яппи, как сей почти-труп, завтра же объявится толпа крутых родственников: папа – директор крупной фирмы, мама – светская львица, герлфренд – топ-модель, и так далее. Тут нужно быть осторожным. И заработать, кстати, тоже можно неплохо, если человек вдруг выживет, и окажется, что спаситель его – я.

Только не выживет, гарантировано. Не бывает таких чудес, во всяком случае, я не видел. Опыт есть опыт. В большинстве случаев трудно сказать, как «поведет» себя пациент дальше – пойдет на поправку или решит сбежать на тот свет в течение считанных секунд. Но в таких случаях, как с этим хлопцем, все ясно сразу: готовый жмурик. Не ясно только одно: минута проходит за минутой, а он все еще жив.

Дальше все как обычно: тело – шлеп на каталку, трубку в трахею, бегом по коридору на рентген, потом в операционную. Я звоню в ординаторскую Сергею Иванычу, второму дежурному хирургу – вставай, Иваныч, хватит дрыхнуть, дел навалило – мало не покажется. Велю сестре будить анестезиологов. Облачаюсь в бахилы, фартук и все прочее, что хирургам положено, мою руки, а сам глубоко в душе надеюсь, что парень преставится раньше, чем мы начнем собирать его по кусочкам, потому что шансов у бедняги – считай, никаких, а работы как минимум часа на три-четыре, и какой работы... Руки-ноги – это ладно, до репозиции костей дело вряд ли сегодня дойдет, оставим на утро травматологам, пусть трудятся, их специализация. А вот на живот идти – это самое мое, потому что я полостной хирург. То, что я у парня в животе увидел, хоть и мельком, – дикий ужас. Как минимум четыре больших дыры в кишечнике, и в толстом и в тонком, полживота кала, перитонит гарантирован. Да какой ему перитонит, не доживет он до перитонита, у него, поди, крови-то меньше литра осталось...

В такие моменты я радуюсь, что потерял обоняние. Полагаю, вы знаете, что находится у людей в кишках. Запашок при подобных операциях убийственный, не все выдерживают. А я его не чувствую. Может быть, именно поэтому так быстро поднял свою квалификацию полостного хирурга. Отсутствие неприятных отвлекающих факторов способствует качественной работе.

Прибывает Иваныч, начинает мыться. Уважаю его. Сергей Иванович Лебедев – бывший военный врач, строгий, дисциплинированный, но мужик безусловно душевный, этого не отнимешь. Возрастом за пятьдесят, ростом на полголовы выше меня, худой, белесый от седины, уса́тый. Сильно «окает» – родом из глухой ветлужской деревеньки. Руки огромные, но именно хирургические, не лопатами – длиннющие узловатые пальцы, сила такая, что подкову согнет. В работе хирурга главное все-таки голова, если с ней слабовато, то никакие руки не помогут. Но такие конечности, как у Лебедева – дар божий, великолепное подспорье хорошим мозгам. Мы много оперировали с Иванычем по ночам, и когда пальцы мои уже начинали дрожать, он был сосредоточен и невозмутим. Лебедев рассказывал мне кое-что о своей работе в Афганистане, это впечатляет, начинаешь понимать, что наши условия – просто рай по сравнению с тем, что может быть на войне. Между прочим, Лебедев – не простой хирург, он доцент на военфаке в Медицинской академии – преподает, читает лекции и знает теорию так, как я никогда ее знать не буду. И все равно дежурит по ночам в нашей больнице, потому что у него дети, и внуки, и всем нужно денег, и всех нужно поставить на ноги, и нельзя идти ни на какую другую работу, кроме хирургической, потому что вот они – пальцы, нельзя их убить, испортить другим, огрубляющим трудом.

И, значит, все идет не так, как хотелось бы – то есть юноша наш все еще жив, и умирать не собирается, и мы «идем на живот». За то время, пока мы мылись, парня избавили от одежды (срезали ножницами одежду и сложили ее ошметки в специальные пакеты для следователей), обтерли тело стерильными сырыми салфетками, и выглядит он куда лучше, чем выглядел двадцать минут назад. Дышит пациент через трахеотомическую трубку, но дышит, как ни странно, самостоятельно, грудная клетка его вздымается и опускается ритмично, без особых проблем. Живот его похож на Хиросиму после бомбардировки, но артериальное давление на удивление приличное, совершенно не соответствующее тому, что видят мои глаза. Хлопец явно не собирается умирать, и значит, работать нам и работать. Не подумайте, что я лентяй и избегаю труда, вовсе нет, – напротив, мне становится интересно, мне уже хочется спасти его, довести до

выздоровления, или хотя бы до прихода в сознание, задать пару вопросов и узнать, во-первых, кто его так отделал, и во-вторых, почему он такой неестественно живучий.

А Иваныч, уже в маске, протирает перчатки марлевым шариком, наклоняется над парнем, втягивает воздух ноздрями (вот же герой!), и говорит:

– От него пахнет.

– Угу, – киваю я головой. – Еще бы от него не пахло, представляю, какая там вонища. Ну, ты в курсе, что я запахов не чую...

– Вонища? – Лицо Иваныча закрыто бумажной маской, я вижу только удивленные глаза и кустистые брови, вздернутые над глазами. – Да нет, Дима, тут чем-то вроде одеколончика папахивает.

– Думаешь, он одеколону налопался? – спрашиваю.

Знакомое дело: бомжи, к примеру, не пьют водку, нет у них средств на сей недешевый продукт. Они употребляют стеклоочиститель, одеколон и медицинскую настойку боярышника, и разит порою от такого обитателя помойки, доставленного в приемный покой, ядреной смесью парфюма и пищевых отходов. Но наш молодой человек явно принадлежит к когорте тех, кто употребляет дорогое пойло, от него должно пахнуть коньяком либо бурбоном. Если он вообще пьет, кстати.

– Нет, что-то другое, – говорит Иваныч, – похоже на масличный эфир. Пахнет от нашего пациента васильками, и весьма сильно.

– А почему именно васильками? – спрашиваю я удивленно. Для меня васильки всегда ассоциировались с Любкой из-за цвета ее глаз.

– Не знаю почему. Но мне кажется, что именно васильками.

– Ладно, начинаем. Пора оперировать василькового мальчика.

И мы приступаем. Как ни странно, умудряемся «сделать» живот за два часа. Порезы страшные, но сосуды почти не кровят, это здорово помогает в работе. Свертываемость крови идеальная, да и все идеальное – сердце работает без малейших сбоев, давление держится на уровне. Зашиваем кишечник, ставим дренажи и уходим из живота. Зашиваю две раны на лице – это недолго, всего восемь швов. Наша работа, похоже, сделана. Хлопца везут в реанимацию, и как уж он пойдет дальше, на поправку или в могилу, одному богу известно.

– Я бы дал ему пятьдесят процентов, – говорю.

– Выживет, – уверенно говорит Лебедев. – Очень здоровый мальчишка... был здоровым, пока не зарезали.

И Лебедев идет спать, да и я пытаюсь кемарить, сидя в кресле и вытянув ноги. Обычно не сплю на дежурстве, но на этот раз здорово устал.

В пять ночи (или уже утра?) звонят из реанимации. «Дмитрий Андреевич, подойдите, ваш больной похудел». Ладно, иду, смотрю. Парень, естественно, в отключке, но не так уж и плох, бывает хуже.

– Что не так? – спрашиваю.

– Гемоглобин очень низкий, почти критический, – отвечает реаниматор Володя, молодой и не очень опытный, – надо кровь лить.

– Ну так лей ему кровушку, чего меня спрашивать, – говорю.

– Для гарантии спрашиваю.

– Гарантии чего?

– Что все правильно делаю.

– Такой гарантии тебе не даст никто и никогда, – говорю. – Вот вольешь ты больному кровь правильной группы, и резус соответствующий, и пробу сделаешь, и все прочее, а он возьмет и даст дуба. Расползется, к примеру, на твоих глазах в сиреневую лужу слизи, потому что он мутант и человеческой крови не переносит.

Это я пошутил так.

Володя хмыкает и идет переливать кровь, а я сажусь в ординаторской за компьютер и начинаю играть в «Героев». Спать расхотелось совсем.

Но только получается, что сглазил я пациента, потому что через десять минут Володя прибегает с вытаращенными глазами.

– Ты что, знал, что он – мутант? – кричит.

– В каком смысле?

– Иди посмотри, что случилось!

Бегу смотреть. Парень и вправду стал фиолетовым, синюшно-цианозным, вены вздулись, кровь течет из носа, рта и ушей. Кроме того, он корчится, хотя не должен – доза релаксантов влита изрядная. Давление падает, на кардиограмме – тахикардия под двести. В общем, видно, что совсем плохо больному.

Я тут же отключаю капельницу с кровью.

– Пробу делали?! – ору.

– Само собой, там полная совместимость была!

– Ладно, потом разберемся! Ставь гемодез быстрее, попытаемся его отмыть. И анализ свертываемости, живо!

– Уже делают, но и так ясно, что она гробанулась! Кровь течет как вода! В живот уже, как пить дать, полтора литра набежало.

Мы бегаем вокруг парня, пытаемся сделать хоть что-то, вводим лошадиные дозы разных препаратов, но ничего не помогает, парень корчится и агонизирует. Потом сердце его останавливается. Пытаемся запустить сердце электроразрядом – без толку...

– Готов, – говорю я через пять минут. – Вся работа насмарку, а ведь два часа его зашивали.

Володя бледен как смерть, перепуган – знает, что напортачил. И еще знает, что только от меня зависит, как преподнести произошедшее – как ЧП или как рядовое событие. Больные, знаете ли, в реанимации умирают довольно часто. Но, с другой стороны, такого, чтобы пациент скоропостижно скончался от обычного переливания крови, не бывает. Предварительная проба на совместимость – процедура несложная, и хорошо отлажена.

– Ты не виноват, – говорю я. – И не дергайся, Володь, у парнишки и так шансов почти не было. Запиши в историю все как было, я подпишусь вторым. Вскрытие покажет, что там случилось на самом деле. Кровь ты перелил ему по обоснованным показаниям, пробу сделал, так что не нервничай, все будет нормально.

Итак, труп увозят в морг, мы с Володей пьем чай (руки у него дрожат), и я думаю, что эта история закончилась.

Ничего подобного.

Утром сдаю смену, вызывают меня к главному. Там уже сидят Иваныч, Володя, сам главный врач и еще два дяденьки. Дяденьки вполне обычные – в брюках и светлых рубашках с коротким рукавом, по причине июльской жары. Но глаза у них нехорошие – пристально-цепкие, изучающие, просто рентгены, а не глаза.

– Товарищи пришли из УВД, – говорит главный врач. – Они хотят прояснить некоторые вопросы. Надеюсь, вы не против.

– Нисколько, – говорю.

Я на сто процентов уверен, что пришли они по поводу нашего ночного пациента. Мне вообще бояться нечего, Иваныч тоже спокоен как удав, он всегда спокоен. Володька, само собой, трясется, а зря: больной умер не по всем правилам, но вины реаниматора в этом нет, а если и есть, то никто ее не докажет.

Беседа проходит в кабинете главного, но почему-то без его присутствия. Выгнали нашего главврача из собственного кабинета, а он даже не пикнул. Дяденьки задают вопросы, на бумаге ничего не пишут, только включенный диктофон лежит на столе.

Один из мужчин, представившийся как Валентин Валентинович Валяев (оригинально!), говорит:

– К нам поступила информация, что ночью в вашу больницу поступил гражданин с ранением брюшной полости, был прооперирован, и ночью же скончался.

– Есть такое, – соглашаюсь я. – Вы еще не установили его личность?

– Установили.

– И кто он?

– Об этом позже. Вы можете сказать, было ли там что-нибудь особенное, необычное?

– Да вроде ничего особенного. Хорошо одет был, при деньгах. Ну и, конечно, отделали его основательно. Удивительно, как вообще до больницы довели, живучий был.

При слове «живучий» милиционеры переглядываются и слегка кивают друг другу круглыми головами.

– А запах какой от него был? – спрашивает второй, именем Архип Викторович Чемоданов (еще оригинальнее!).

– Ах да, запах... – Лебедев хмурит брови, как бы вспоминая. – Шел от него странный такой аромат, не совсем естественный для человека, но вполне приятный. Васильками от него пахло.

– Васильками? – служители закона снова многозначительно переглядываются. – Может, он какой-нибудь, к примеру, туалетной водой пользовался?

– От него прямо изнутри пахло, отсюда, – Иваныч показывает на живот. – Обычно от людей с обширным ранением кишечника пахнет совсем не так, я вас уверяю.

– Понятно. Ну что ж, отлично! – Валяев слегка улыбается, чувствуется, что он почему-то доволен. – А от чего он умер? Насколько мне известно, он скончался от переливания крови. Это так?

Володя розовеет и открывает рот, но я делаю жест рукой – молчи, мол, не вякай, сам все скажу.

– Это последствие большой полостной операции, – уверенно заявляю я. – Такое бывает, человек потерял много крови, и единственная возможность спасти его – гемотрансфузия. Однако, нужно учесть, что силы организма предельно истощены, гормональная и биохимическая система разлажены. И человек вдруг реагирует на обычное, сделанное по всем правилам переливание неадекватно. Он умирает, и мы ничего не успеваем сделать. Такое бывает, к сожалению.

Вру без зазрения совести. Наш пациент отреагировал на переливание чужой крови парадоксально – его собственная кровь потеряла свертываемость и потекла из всех дыр и щелей, а при патологической реакции на переливание все бывает наоборот. Но я полагаю, что наши правоохранительные гости этого не знают, и ни к чему им это знать. Если углубляться в медицинские нюансы, против любого врача можно много чего нехорошего накопить.

– Ясно, – говорит Валяев и снова улыбается. – Вот, поглядите, – он достает из внутреннего кармана фотокарточку и показывает нам. – Это он, ваш пациент. Узнаете?

Со снимка на меня смотрит изумительно красивый парень – лет, наверное, восемнадцати. Ярко-зеленые глаза, светлые волосы, падающие мягкими прядями, улыбка, открывающая ровные белые зубы. Модель из глянцевого журнала, мальчик с обложки.

– Не узнаю, – признаюсь честно. – Вы не представляете, как его избили. Отек тканей лица, физиономия раздута как подушка. Нос сломан, половины зубов не хватает. Вы уверены, что это он?

– Он это, он, Игорь Варенцов. Тело уже опознано.

– И кто его так? И за что?

– Это предстоит выяснить следствию.

– А нам скажете, когда выясните?

– Может быть... – Валяев смотрит на меня с некоторой задумчивостью. – Вот что я хочу сказать вам: во первых, благодарим вас за помощь оперативной бригаде. Во-вторых, хочу предупредить, что о деле Варенцова рассказывать нельзя никому – ни друзьям, ни близким, ни знакомым, согласно закону о тайне ведения следствия. С вас будет взята подписка о неразглашении. Сами понимаете, что это значит, люди вы, надеюсь, ответственные. И последнее: если случится, что в вашу больницу будут доставлены какие-либо пациенты, обладающие таким же странным запахом, как у Варенцова, вы обязаны немедленно позвонить нам. Номер телефона я вам оставлю. Позвонить и доложить немедленно.

– Так он что, необычный человек был, этот Варенцов? – спрашиваю.

– Можно сказать и так. Извините, у меня нет возможности обсуждать этот вопрос. Давайте подпишемся о неразглашении и закончим.

– Так точно, – говорю я, с трудом удерживаясь от того, чтобы ёрнически встать на вытяжку и отдать честь.

Глава 3

Со времени смерти Варенцова прошел месяц. Про суровый наказ В.В. Валяева я забыл моментально – какое мне было до этого дело? Сам я запахов не чувствовал, не приказывать же санитаркам обнюхивать каждого поступившего больного на предмет аромата васильков? Если бы господа из УВД потрудились объяснить, что произошло на самом деле, я, может быть, и заинтересовался бы. А так – нет. Я не слишком любопытен, годы работы с уголовными элементами отучили меня совать нос не в свое дело.

Время шло, день перетекал в ночь, ночь в день. Днями я отсыпался, ночами работал, и не могу сказать, что был недоволен. Метроном моей жизни ритмично отщелкивал дни и недели. Я, относительно свободный человек (никто из нас не может быть свободным полностью, к сожалению), проводил время так, как хотел, и ни на что не жаловался. Мне не хватало любви, хотя секс присутствовал регулярно. Снять подходящую девчонку на ночь не так трудно, можно сделать это почти бесплатно. То есть ты не платишь ей, она отдается тебе за интерес, за улыбку, за душевное тепло, за хорошо проведенное время, за умение говорить и прочие умения, которыми ты обладаешь, но покормить и напоить девушку в любом случае придется за свой счет. А любовь – нечто выше простого секса, и вот именно любви не было, хотя я старался влюбиться, мечтал об этом. Меня хотели многие – в качестве мужа. Я не хотел никого – в качестве жены. Никого из тех, кто встречался мне тогда. Я сильно ожегся на Любке, был весь в ожогах и не хотел ошибиться еще раз.

Я сентиментален. Я хотел истинного чувства, обоюдного и глубокого, и неизменно наткнулся на противоречие, которое сам вырастил, выстроил своими руками, словно стену из прочно сцементированных кирпичей. К своим годам я стал слишком искусен в обольщении, научился улыбаться и говорить нужные слова, был физически развит, душевно опытен и не слишком уродлив. Глупые девушки клевали на меня как золотые рыбки, давались мне легко. Большинство моих глупых девушек были красивы, но мне не хотелось таких – глупых. Во всяком случае, не хотелось надолго, больше, чем на несколько ночей. Я хотел чего-то другого, носил в душе некий абстрактный идеал, но никто не соответствовал ему. Мой идеал был противоречив – обладал инфантильной внешностью подростка и умом зрелой женщины. Такое встречается крайне редко, только разве в любовных книжках. В книжках можно придумать и написать все, что угодно, и если у автора есть талант, то он заставит читателя поверить в свою сказку.

Как бывает с холостыми людьми моего возраста, я стал слишком разборчив. Дрянное качество. Во всяком случае, оно не приносило мне радости, только проблемы.

Однажды я увидел девушку, которая произвела на меня глубокое впечатление, если не сказать больше: запала в душу. Она была чем-то похожа на Любку, но, не поверите, еще лучше. На мгновение показалось, что это воплощение моего идеала. Всего на несколько мгновений, потому что кадр сменился и она пропала.

Я увидел ее по телевизору.

Я так и не понял, кем она была. Всего лишь лицо, мелькнувшее в деловой хронике нашего города. Меня словно током ударило, я оцепенел, слегка оглох и чуток ослеп, а она стояла и что-то говорила корреспонденту там, в хорошо отделанном офисе, при свете софитов, и я не помню, что говорила. Я только вдруг понял, что она – та, которую я ищу. Похожа на Любку, но лучше. Правильнее. Правильнее для меня.

Я запомнил ее прелестное полудетское личико, отложил его в памяти, словно сфотографировал. И, конечно, горько пожалел, что никогда не увижу эту девушку живьем.

Ждать пришлось недолго, я увидел ее всего лишь через два дня. Не сказать, что совсем живьем, скорее полумертвой. На очередном дежурстве прикатила скорая, и на носилках вперед ногами вынесли мой идеал, истекающий кровью.

Это была она, я сразу узнал ее. Те, кто избил девушку, каким-то образом почти не задели лицо, только пара царапин на лбу, хотя все остальное пострадало основательно. Девчонка умирала, дышала слабо, ее пульс едва прощупывался.

Что бы вы сделали на моем месте? Раскисли бы, предались соплям и чувствам? Лично я вострепнулся, зажал нервы в кулак, мобилизовался и начал работать так, как, кажется, не работал никогда в своей жизни. Мне нужно было ее спасти.

Опять всякие подробности, просто история болезни. А куда деваться? Если ты врач, то вся твоя жизнь – истории болезни людей, проходящих, проползающих и проносимых пред тобой. Толстые и тонкие папки, бесчисленные желтые разлинованные странички, разрисованные непонятными непосвященному взгляду синими буквами. Коряво подклеенные листы, облитые жидкостями разных цветов, обслюнявленные уставшими пальцами, обсмотренные устало моргающими глазами. Истории болезней, истории мук и страданий, хождения по кабинетам и неуверенности, и не так уж часто – истории выздоровления. Такова судьба. Врачей принято считать циниками, но никто не осознает, что внешний цинизм – лишь защита, необходимая оболочка, позволяющая выжить самому врачу.

Врачу тоже хочется выжить, и это не так просто.

Хотя встречается в медицинской жизни и забавное. Вот к примеру, на титульном листе любой истории болезни, в самой середине обложки, написано жирным шрифтом: **«Доставлен в состоянии опьянения: 1 – алкогольного, 2 – наркотического»**. Так вот категорично. Это строки – первое, что бросается в глаза, даже если вы берете историю мэра или замгубернатора, или еще какого-нибудь известного человека. И сразу думаешь: в каком же именно состоянии он был доставлен? Что не так уж далеко от истины – я имею в виду алкоголизм, конечно. Наркомания среди политиков не встречается.

А еще помню начало анамнеза одной больной, доставленной нам из района: **«Больную запирал бык»**. Супер! Больная, кстати, была такой комплекции, что сама могла запирать не то что быка, но даже носорога. Мы зашили ее и выписали через неделю.

Но, смею заметить, в тот час мне было вовсе не до шуток. Хотелось побыстрее узнать, что с девочкой, и можно ли ее спасти. Девушку отвезли в палату, раздели. Я с облегчением вздохнул, увидев, что проникающих ранений и открытых переломов нет (почему-то сразу вспомнил того парня, Варенцова). Вероятно, самой тяжелой травмой был удар по голове, из-за которого она потеряла сознание. И еще закрытый перелом левого предплечья, и здоровенный синяк на грудной клетке, и множественные ушибы. И кровью она, оказывается, не так уж истекала – рана в плече была глубокой, но из-за таких ран не умирают.

Итак, передо мной лежала красивая обнаженная девушка, и выглядела она куда лучше и здоровее, чем пять минут назад. Она выглядела как... Только не смейтесь, выглядела она как Любка, просто как родная ее сестрица. Лицо, конечно, другое, а вот фигурка тонкая, хрупкая, подросточья. Но в тот момент я вспоминал не Любку, а Игоря, именно его. Девушка не имела никаких документов, ее избили, и она слишком быстро приходила в себя.

Может быть, она тоже из породы необычных людей?

Будь у меня обоняние, я решил бы проблему просто – обнюхал ее, и дело с концом. А тут пришлось звать медсестру.

– От нее чем-нибудь пахнет? – спросил я медсестру Лену.

– Ну да, – сказала Лена, втягивая воздух ноздрями. – Духами пахнет, несильно так, но приятно.

– Васильками пахнет?

– А как пахнут васильки? Откуда я знаю?

- А изо рта как пахнет?
- Ну вот, буду я еще изо рта нюхать!
- Будешь, еще как будешь. Это важно для диагностического процесса. Давай!
- Лена брезгливо склонилась над лицом девушки.
- А ничего, не противно. Такой же запах.
- Как и от тела?

– Да.

– Ага, спасибо, понятно. Везите ее в рентген, а потом в первое хирургическое, положите в изолятор.

– А в реанимацию не надо?

– Не надо, нет показаний.

Зря я сказал, что мне все понятно. На самом деле я так и не понял, пахнет от девушки парфюмерией или же тем самым специфическим ароматом. Но сразу решил, что в реанимации, где сегодня снова дежурит Володя, делать ей нечего. А вдруг у нее именно особенный запах, и он сразу позвонит этим двум пиджакам? Вовсе мне не хотелось, чтобы за девушкой пришли оперативные работники. Помнил я, как радовался Валяев, что Игорь Варенцов умер. Радовался он, радовался, точно говорю. Я решил положить девушку в свое отделение и понаблюдать. В конце концов, ко мне даже претензии предъявить нельзя – обоняния у меня нет!

Сделали рентген, мои предположения о переломах оправдались. Наложили гипс, сделали УЗИ – повреждений внутренних органов не обнаружилось. Отправили пациентку на второй этаж, в хирургическое отделение. И тут я крепко задумался, как лечить больную. Анализы у нее были неплохими, о переливании крови или плазмы речи не шло, но вот нужно ли лить внутривенно какие-то препараты? По идее – да, и много чего, но я боялся, что с ней может случиться нечто подобное тому, что произошло с Игорем. И не рискнул, назначил только внутримышечные инъекции и поставил в нос трубочки, подводящие кислород.

За ночь я подходил к девушке пять раз, и с каждым разом она выглядела все лучше. Давление нормализовалось, дыхание стало ровным, пульс наполнился. В сознание она, правда, не пришла, но тут я ничего сделать не мог – нужно было дожидаться утренней консультации невропатолога, и при необходимости сделать томографию мозга.

В семь утра я счел, что мой хирург-сменщик уже восстал от сна, и не будет наглостью позвонить ему домой. Я позвонил и поменялся сменой. Он согласился, в тот день у него были проблемы то ли с кошкой, то ли с собакой, в общем, с какими-то животными. И таким образом, я остался в больнице еще на сутки. Я не хотел уходить от своей пациентки, тянуло к ней меня как магнитом. Я хотел полностью уточнить диагноз и убедиться, что с ней все будет в порядке.

Такой вот я добросовестный и заботливый врач, не всем такие попадаются.

В полвосьмого утра, перед тем, как сдавать смену, я сидел рядом с девушкой и держал ее за руку, гладил тонкие холодные пальцы. Пользовался беззащитностью пациентки, любовался ее бледным лицом. Ну точно мой идеал. Кому-то девушка показалась бы слишком худой, но вы уже знаете мои вкусы. Короткая мальчишечья стрижка, волосы темно-русые, с отдельными прядями, выкрашенными в розовый цвет. Большой рот, тонкие и бледные губы, нос средней длины, совершенной прямой формы (терпеть не могу курносых!).

Девушка вздохнула, открыла глаза и села в постели – так быстро, что я едва успел опустить руку. Одеяло свалилось вниз, оголив приятного размера грудки с розовыми сосками. Она посмотрела на меня, глаза ее оказались василькового цвета. Взгляд ее плыл, расширенные зрачки дрожали, она находилась в заторможенном состоянии.

– Вы в больнице, – сказал я, упреждая сакраментальный вопрос: «Где я?» – Вас привезли ночью, у вас сотрясение мозга и несколько переломов, вам надо лежать.

Я мягко уложил ее обратно. Она не сопротивлялась, только беззвучно двигала губами, пытаясь что-то сказать. Я придвинул ухо к самым ее губам и услышал:

– Пить...

Я снова усадил ее, поднес стакан с водой, она выпила половину его через соломинку – медленно, минуты за три. Все это время я придерживал ее за голую спинку, и не скажу, что мне было неприятно. Потом легла снова.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Женя... Евгения.

– Как вы себя чувствуете, Женя?

– Голова болит... Очень... – Из глаз ее вытекли слезы и я аккуратно вытер их марлевой салфеткой.

– Что с вами произошло? На вас кто-то напал?

– Ничего не помню...

– Скажите мне вашу фамилию.

– Степашина.

– Не родственница, случаем, нашего бывшего премьер-министра? – я улыбнулся.

– Нет.

– Скажите мне телефон ваших родственников, мы позвоним им.

– Не помню...

– Ладно, вспомните позже. Вы лежите, Женя, вставать не пытайтесь – упадете. Я пойду смену сдавать.

– Вы вернетесь?

– Да, обязательно. Вернусь очень скоро.

– Вы мой доктор?

– Да. Дмитрий Андреевич.

– Дмитрий Андреевич... – она заговорила чуть громче. – Пожалуйста, не говорите никому, что я здесь.

– Ну, голубушка, это невозможно! – я развел руками. – Все уже знают, что вы здесь.

– Кто – все?

– Как кто? Сестры, санитарки.

– А милиция знает?

– Знает, конечно. Вас нашли на улице, избитую, без документов. Милиция туда тоже наверняка выезжала.

– Наверняка или точно?

– Понятия не имею, не интересовался.

– Дмитрий Андреевич, не звоните в милицию, очень прошу.

– Хорошо, не буду звонить, – заверил я.

Я знал, что не позвоню. Хотя была вероятность, что оперативники могут появиться в больнице, чтобы задать девушке вопросы, но вряд ли это случится раньше, чем через пару дней, до того, как пациентка полностью придет в себя.

– Спасибо... – слабый шепот.

– Не за что.

Дальше все шло вполне обычно: Евгении сделали компьютерную томографию, потом ее проконсультировал невропатолог, сказал, что ничего страшного, за пару недель оправится, я пошел оперировать и проторчал за столом четыре часа. Затем навестил Женю, осмотрел ее еще раз, помял ей животик и остался доволен. Во-первых, животик был что надо, моей любимой плоской формы, во-вторых, ничего в нем не болело. Девушка шла на поправку раз в пять быстрее, чем было положено нормальному человеку. Ей уже выдали сорочку и халат, она дошла до

туалета и обратно, поддерживаемая санитаркой. При таких темпах выздоровления через три дня в больнице ей будет делать просто нечего. И это хорошо, потому что через три дня закончится отпуск у Лебедева, он выйдет на работу и унюхает, что Женя – из тех, кем интересуется УВД.

Я уже не сомневался в этом, но Евгению, само собой, не спрашивал, боялся спугнуть. Мне хотелось не только вылечить ее, но и продолжить общение с ней после больницы. А она упорно отказывалась говорить о том, что с ней произошло, где она живет и есть ли у нее родственники. Видно было, что она хочет побыстрее сбежать, но возможности для этого пока не представлялось.

Тем не менее поговорили мы вполне душевно. Случилось это в одиннадцать вечера, когда я развязался с делами, умудрился поспать три часа в ординаторской, и наконец обрел толику свободного времени. Больные к тому времени утомонились и перестали бродить по коридору, в отделении установилась тишина. Я заглотил таблетку валерьянки, чтобы унять предательское волнение, взял упаковку зефира, коробку хороших шоколадных конфет, апельсинов, бананов и винограда, пакет сока – этого добра у нас хватает, больные дарят регулярно. Коньяк и портвейн тоже имелись в запасе, но я не стал их трогать – никогда не пью на работе. И пошел в изолятор.

Изолятор в нашем отделении – небольшая палата на одного пациента, самое место для тет-а-тета. Женя не спала. Перед сном ей полагалось вкатить успокоительного, но я не назначил – сами догадываетесь, почему.

Она сидела на кровати, обняв руками ноги и положив подбородок на колени, огромные глаза блеснули в свете ночника. В сердце у меня кольнуло – не мог я видеть ее спокойно.

– Как голова, не болит? – спросил я участливо.

– Ничего, уже почти не болит.

– А рука как? – я осторожно дотронулся до забинтованной и загипсованной руки.

– Все нормально.

– Хочешь чаю с конфетами?

– Очень хочу! – призналась она с неожиданной горячностью. – Я ужасная сладкоежка, могу зараз целую коробку слопать.

– Сейчас организую.

– Ой, спасибо!

Я принес горячий чайник и заварку. Она накинула халат и, кажется, даже причесалась (женщины всегда найдут способ привести внешность в порядок). Я убрал с тумбочки медицинский инвентарь и разложил на ей принесенную гастрономию.

– Вы такой хороший, Дмитрий Андреевич! – сказала Женя. – А почему вы еще не дома? Уже поздно.

– Я сегодня дежурю.

– Почему вы так обо мне заботитесь?

– Потому что хочу тебе помочь.

– Вы уже мне помогли.

– Ничем я тебе не помог. Ты попала в какие-то неприятности и ничего не хочешь мне говорить.

– Нет у меня никаких неприятностей, – заявила она. – Все нормально.

– Что нормально? То, что тебя избили? То, что у тебя переломы и сотрясение мозга?

– Ничего страшного, все пройдет.

– Да, конечно пройдет, с твоими-то способностями.

– Какими способностями?

– Заживает у тебя все неестественно быстро. Ты знаешь об этом?

– Не знаю. Откуда мне знать, я никогда ничем не болела. Давайте лучше чай пить.

Стали пить чай. Она набросилась на шоколад так, словно не ела лет сто. Перемазалась в зефире. Забавно было на нее смотреть, забавно и очень мило. Когда девушка красива, то все, что она делает, выглядит мило.

Я решил прервать допрос и поболтать на отвлеченные темы, понравиться, завоевать доверие. Как обычно, через некоторое время меня понесло. Язык мой подвешен будь здоров, два десятка смешных историй выучены наизусть и исполнение их отработано до артистизма. Через десять минут Женя вовсю смеялась, не забывая перемалывать виноград и бананы белыми зубками. Все шло по стандарту, и казалось, что завоевать ее совсем нетрудно. Но я знал, что это совсем не так, нутром чуял. Может быть, я ей нравился, но это не гарантировало, что через два дня она не убежит и не исчезнет из моей жизни навсегда. Все-таки она была особенным человеком, у нее была своя тайная жизнь. Я был для нее чужаком.

– Сколько тебе лет, Женя? – спросил я, вдоволь потешив ее историями.

– Двадцать во... – она замялась. – Двадцать один.

– Хотела сказать «двадцать восемь»? – Я наклонил голову и устремил на нее пристальный взгляд.

– Нет, двадцать один, правда. – Она слегка порозовела.

– А выглядишь лет на восемнадцать, если не меньше.

– А что, есть разница?

– Между восемнадцатью и двадцатью восьмью – есть.

– Да я же говорю: двадцать один мне.

– А сколько лет было Игорю Варенцову?

– Ну, где-то под тридцать, – ляпнула она не задумываясь, и тут же стушеввалась. – Ой, а откуда вы Игоря знаете?

– Ты знаешь, где сейчас Игорь? – ответил я вопросом на вопрос.

– Не знаю, давно его не видела.

– Врешь. Его убили, и ты не можешь об этом не знать.

Она поперхнулась виноградиной и закашлялась. Пришлось постучать ее по спине.

– Под тридцать, значит, ему было? – задумчиво произнес я. – А на фотографии выглядел как пацан. И ты выглядишь как десятиклассница, дорогуша. Хотя скорее всего тебе действительно двадцать восемь. И все это из-за вашей неестественной способности к регенерации.

– Неправда! – выкрикнула она, выставив перед собой ладони, защищаясь.

– Подожди, не перебивай. Знаешь, где умер Игорь? Здесь, в нашей больнице. Умер на моих глазах. Его привезли почти трупом, я зашивал его кишки два часа, и казалось, что он пойдет на поправку. А он взял и умер. Знаешь, почему? Потому что ему перелили кровь.

– Нельзя кровь, – прошептала она едва слышно, но я понял, прочитал по губам.

– А еще чего нельзя? Назначу тебе какое-нибудь лекарство, а ты нечаянно умрешь. Нам это надо?

– Все остальное можно, – пробормотала она, опустив голову и уставившись взглядом в пол. – Почему вы догадались, что я такая же, как Игорь? По запаху почувствовали?

– Я вообще не чую запахов. Когда-то мне проломили голову и я потерял обоняние.

– Откуда вы знаете про таких, как мы с Игорем?

– Сразу после смерти Варенцова в больницу пришли два типа из внутренних органов и велели сигнализировать обо всех пациентах, от которых пахнет васильками. Я не знаю, как от тебя пахнет, но то, с какой скоростью ты выздоравливаешь, наводит меня на определенные мысли.

– Сволочи! – Она сжала кулаки. – Это были уроды из «Чистилища». Вы ведь не позвоните им?

– Ни в коем случае. Что еще за «Чистилище»?

– Такая команда. Они входят в один из отделов УВД, но на самом деле сами по себе. Они преступники, убийцы. Они охотятся на нас, а мы даже не можем обратиться в милицию.

– Почему не можете?

– Потому что засветимся и в конце концов попадем в лапы все тех же чистильщиков.

– Вы – это кто?

– Подлизы.

– В каком смысле – подлизы?

– Чистильщики нас так называют.

– Почему они вас так прозвали?

– Не скажу, вы все равно не поймете.

– Уверена, что не пойму?

– Уверена! Потому что у вас нюха нету!

– А что, словами объяснить нельзя?

– Ничего я говорить не буду. Этого никто не должен знать, никто!

– Кто избил тебя и Игоря? Чистильщики?

– Нет, конечно. Чистильщики убили бы нас сразу, они не церемонятся.

– А кто же тогда?

– Не скажу!

– Женя, ты пойми, что находишься в большой опасности, – начал я увещевать терпеливо и осторожно. – Игорь умер, ты выжила только потому, что на тебя не наткнулись врачи, которые предупреждены о запахе. Я, можно сказать, спас тебя.

– Вы меня на самом деле спасли! Спасибо вам, Дмитрий Андреевич, но я не могу сказать вам ничего. Вы хороший человек, но не дай бог, чистильщики догадаются, что вы что-то знаете, и начнут раскручивать. Они из вас в два счета всю информацию вытянут, и пальцем пошевелить не успеете. Они это умеют.

– Что ты намерена делать дальше?

– Не знаю... – Она потерла лоб и удрученно покачала головой. – Мне нужно уйти как можно скорее, здесь меня застукают.

– Тебе есть куда уйти?

– Есть, – сказала она настолько фальшивым голосом, что в сердце моем снова кольнуло от жалости.

– Ты не умеешь врать, – тихо сказал я. – Идти тебе некуда, у тебя действительно большие проблемы.

– Это я не умею врать? – она глянула на меня с искренним недоумением. – Ах да, вы же без обоняния...

– А причем тут обоняние? – тут же заинтересовался я. Такой вот я проницательный, палец мне в рот не клади.

– Да не причем...

– Давай, выкладывай!

– Ничего не скажу! Вы что, следовательно?

Ну вот, снова спугнул. Нужно поделикатнее.

Я взял конфету, одну из двух оставшихся, сел рядом с Женей, вплотную к ней, прижался к ней боком, чувствуя тепло ее тела, и сказал:

– Открой рот.

– Зачем?

– Открой.

Она открыла. Я положил на ее язык конфету и пальцем поднял вверх ее прелестный подбородок. Она начала жевать.

– Вкусно?

– Угу.

– Еще хочешь?

– Угу.

Я скормил ей с руки последнюю конфету. Прием нехитрый, но на нервных девушек действует расслабляюще.

– Не буду тебя больше расспрашивать ни о чем, – сказал я. – Хочу только предложить тебе конкретную помощь. У меня хорошая двухкомнатная квартира, я живу один. Если хочешь, поживи у меня, пока ситуация не разрулится. Обещаю, что приставать к тебе не буду, у тебя будет отдельная комната, и даже ключи тебе дам, проявлю высокое доверие. Кормежку тоже обещаю, кушай от пуза, обеспечу. Если согласишься, мы уйдем из больницы завтра утром, в восемь. Я оформлю историю болезни так, что никакие чистильщики никогда не догадаются, что ты здесь была. Даю тебе ночь на размышление.

– Я подумаю...

– Ну что же, думай. Спокойной ночи.

Я встал и пошел к двери. И уже выходя, услышал:

– Дмитрий Андреевич!

– Что? – я повернулся.

– Я согласна.

– Отлично.

Я кивнул и быстро выскочил в коридор, чтобы она не увидела моего лица, потому что на нем было написано идиотское счастье.

Получилось, о боже! Мне снова было о ком заботиться.

Если бы я мог, то пристегнул бы Женю к себе наручниками, чтобы она никуда не сбежала. Но спешить не стоило ни в коем случае. Девушка и так запугана насмерть, один неверный шаг – и все сорвется.

Подлизы, говорите? Что же, забавное название. Интересно узнать, что оно означает на самом деле.

Глава 4

Вы можете решить, что Женя досталась мне слишком легко. А еще вы непременно подумаете: как-то слишком просто девушка все выболтала. Вопрос стоит о жизни и смерти, она из породы каких-то особенных людей, на них охотятся, об этом нужно молчать, как партизану на допросе, а тут раз, и рассказала все первому встречному-поперечному...

Потому и рассказала, что смерть шла за ней по пятам, и положение ее было безвыходным. И проговорились Женя, как выяснилось позже, не случайно, а намеренно, чтобы проверить мою способность работать мозгами. К тому же она почувствовала во мне заинтересованность, если не сказать больше. Подлизы все как один склонны к эмпатии – некому роду интуиции, сверхчувствительности, они воспринимают других людей тонко и в большинстве случаев безошибочно (в большинстве случаев, сказал я, но не всегда, увы, далеко не всегда).

А что касается того, что Женя мне досталась – вовсе не так. Тогда я думал, что до нашего с ней сближения осталось сделать лишь несколько шагов, и не представлял, насколько с ней будет сложно и даже мучительно.

Слава богу, что не представлял.

Утром я закрыл историю болезни Жени. Написал в эпикризе, что больная категорически отказалась от лечения, покинула отделение и выписана для дальнейшей терапии по месту жительства. Историю оформил на имя некоей Толстоноговой Елены Викторовны – так мы договорились с Женей. Чтобы концы в воду, стало быть. Проблем в этом не возникло – ни паспорта, ни страхового медполиса у пациентки не было, госпитализировали ее в экстренном порядке, пиши что хочешь. Правда, тогда я сам не был уверен, что ее настоящее имя – Евгения, но впоследствии выяснилось, что в этом она не соврала. Фамилию назвала чужую, не была она никакой Степашинной, но это не имеет особого значения. Имя для судьбы человека куда важнее, чем фамилия, имя определяет многое в характере. Фамилия значит гораздо меньше (если, конечно фамилия не специфическая, с особым смыслом – к примеру, Альтшуллер, Догоняйло, или, скажем, Стопудовищев).

Я сдал смену, мы с Женей выскользнули через черный ход, погрузились в мою «Хонду» (неплохая тачка, остатки былой роскоши) и поехали домой. Все шло по плану.

Женя вступила в квартиру как настороженный зверек, прошла словно кошка, мягко ступая босыми ногами по полу, заглянула в каждый уголок и, как мне показалось, обнюхала каждую стену. Видимо, осталась удовлетворена увиденным и унюханным. Деликатно осведомилась, где будет ее комната. Попросила полотенце перед тем, как идти в ванную. Я выдал ей не только полотенце, но и чистый халат, и тапочки... мог бы выдать и комплект женского белья, совершенно новый, но не решился – счел, что это может быть расценено как бестактность. В голове мелькнула мысль, что Женя выйдет сейчас из ванной, распахнет халатик, прижмется ко мне и все будет так, как я хочу... Мысль сия мелькнула, прямо скажем, весьма вяло и неуверенно. Девушка, еще вчера вечером казавшаяся доступной, с утра нацепила застывшую холодную маску. Так, как я хотел, то есть быстро и без лишних разговоров, явно не получалось.

А я не торопился. В конце концов, я обещал ей свободу от сексуальных домогательств. Пусть поживет здесь, привыкнет ко мне, перестанет бояться, поймет, какой я хороший, и тогда все получится все само собой. Я приручу этого зверька и оставлю у себя.

Женя вышла из ванной, ушла в свою комнату, закрылась там и не показывала носу до самого вечера. Я успел отоспаться, пообедать и поиграть на компьютере. К ее двери принци-

пияльно не подходил, не стучался – в конце концов, почему я должен навязываться? Ждал, пока она выйдет сама, хотя бы в туалет. А она не выходила.

В восемь вечера я не выдержал и деликатно побарабанил согнутым пальцем в дверь Жени.

– Да, пожалуйста, – отозвалась она. – Заходите.

Я вошел. Она сидела на софе точно в той же позе, что и в больничном изоляторе – руки обнимают ноги, подбородок на коленях. Грустное лицо белого мрамора, глазищи как у ночного лемура. Ничто в комнате не было тронуту – похоже, она просидела в безмолвии и неподвижности все эти часы.

– Пойдем пить чай, – сказал я.

– Спасибо, я не хочу.

– Ты вообще чего-нибудь хочешь? Захоти хоть чего, и я с удовольствием выполню твоё желание.

– Дмитрий Андреевич, мне нужен компьютер с доступом в сеть. Очень нужен.

– Я дам тебе пользоваться своим компом. Но при одном условии.

– Каком?

– Будешь называть меня на «ты».

– Хорошо, Дмитрий Андреевич.

– И тогда уж, само собой, не Дмитрий Андреевич, а просто Дима.

– Ладно... Дмитрий.

Она упорно держала дистанцию. У нее это получалось.

Я все-таки заставил ее попить чаю, попутно скормил ей полкило фруктового мармелада (на этот раз, увы, не с руки). Любила она сладкое. А потом пошли осматривать комп. При виде моей старой машинки Женья недовольно нахмурилась, не смогла сдержать эмоций. Когда узнала, что модему уже шесть лет, искренне изумилась – не подозревала, что таким барахлом до сих пор пользуются. Оперативная система и прочий софт также не привели девушку в восторг. Она дотронулась пальцем до моего 14-дюймового монитора осторожно, словно он мог взорваться в любой момент, оставила на пыльном стекле блестящую дорожку.

– Дмитрий, ты не беспокойся, что я потрачу деньги на Интернет. Потрачу много, но все оплачу сама.

– А, пустяки, – махнул я рукой. – У тебя, небось, проблемы с деньгами...

– Это у тебя проблемы с деньгами. Ты же врач... – произнесла она таким тоном, каким можно было произнести «ты нищий». – У меня таких проблем нет. Я зайду в сеть и сниму столько, сколько мне нужно.

– И как ты их снимешь – по счету с карты? Не боишься, что твои враги засекут тебя? Счета в банках именные, с электронной подписью...

– Ты в этом ничего не понимаешь, – сказала она с неожиданной надменностью, морщинки нарисовались на секунду на ее лбу, и я снова увидел, что ей никак не двадцать один, куда больше ей. – Не волнуйся, я не дура и не дам себя засечь. Ты врач, твоя работа – медицина. А это, – она показала на экран, – моя работа. Я знаю, как и что делать.

– И кто ты по профессии?

– Не скажу.

– Почему?

– Нельзя.

Опять старая песенка. «Сами мы не местные, за нами охотится ЦРУ и КГБ, а также преследуют нас кровожадные сириусяне».

– Что ж, работай, – усмехнулся я. – Посмотрим, что ты наработаешь.

Следует признать, что в компьютерах я соображаю не то очень. Периодически играю в «Героев», залезаю в Интернет раза три в неделю, чтобы... В общем залезаю и всё, подробности

опустим. Что касается компьютерных нюансов, то для меня это темный лес. Ну и что? Вовсе не повод, чтобы какой-то пигалице задира́ть передо мной нос.

А она говорит:

– Давайте перенесем компьютер в мою комнату.

Опять «давайте», опять на «вы». Ох, тяжело нам, мужчинам периода кризиса среднего возраста, молодое поколение так и норовит подчеркнуть нашу тяжкую безрадостную старость.

– Зачем, Жень? Работай здесь. Давай, входи в сеть. Посмотрю, чем ты там занимаешься. Надеюсь, ты не админ порносайта?

– Не админ. И ты не посмотришь. Извини, Дмитрий, ты обещал, что представишь мне нормальные условия. Обещал?

– Было дело.

– Дмитрий, можешь не кормить меня, не трать ни копейки. Я заплачу тебе, только скажи сколько, отдам деньги хоть завтра. Но комп мне очень нужен, и Интернет нужен. Очень нужно, поверь...

Вот так, о какой интимной связи после этого может идти речь? Юная беззащитная девушка на глазах превращается во все более опытную, и, как выясняется, не совсем бедную женщину. Она желает отдать мне деньги... Вот черт, не нравится мне такое. Я люблю, когда девушки от меня зависят, хотя бы чуть-чуть, и чем больше этого чуть-чуть, тем лучше. А красивая лапочка Женя уже начинает мной командовать, причем весьма безапелляционно.

– Мне лень, – заявил я. – Переносить комп в другую комнату – лень. Да и некуда там его ставить, там только тумбочка.

– Я сама перенесу, сама все сделаю. Пять минут займет.

Ничего не стоило согласиться, но я заупрямился – не люблю, когда мне диктуют условия.

– Валяй, работай, – сказал я, стараясь не выдать раздражение в голосе. – Махнемся комнатами: я буду спать там, а ты здесь. Пойдет?

– Да. Спасибо вам... тебе, Дмитрий...

Тихо-тихо сказала, чуть слышно. А сама уже воткнула глаза в монитор, едва дырки не сверлит взглядом в стекле, дожидаться не может, когда уйду и оставлю ее светлость в покое.

Но я проявил характер – противный, настырный и неспешный. Сменил простыню и прочее белье на своей (а теперь – временно – ее) широкой двуспальной кровати, подготовил девочке постельку. Выбрал из стеллажа пару книг для чтения на ночь... выбирал, признаюсь, долго. Все это время она сидела в офисном кресле рядом с компом – снова приняла любимую позу, колени к подбородку, и застыла недвижно. Нравилась она мне такой очень, до головокружения нравилась, но я не показывал своего равнодушия к ней ни единым жестом, ни случайным шевелением мимических мышц. Раз вот вы такие холодные, девушка Женечка, то и мы будем замороженными как камбала, такими же плоскими и неинтересными мы будем, а вы терпите, Женечка, терпим же мы вас...

Потом я ушел и свалился в постель в мрачайшем настроении. Еле уснул в ту ночь. И так плохо сплю по ночам, а тут вдруг в соседней комнате, в пяти шагах, обитает такое глазастое девчоночье существо, а я, получается, даже поговорить с ней нормально не могу, не нужно этому существу ничего от меня, кроме моего компьютера. Это неправильно во всех отношениях.

Наконец я уснул – часиков в пять утра. Очень скоро, в семь запиликал мобильник, призывая восстать меня аки феникс из пепла для жизни и созидательного труда, с трудом я удержался от того, чтобы приговорить телефон к смерти и кинуть им в стену, но все же удержался. Просто выключил его, поднялся с дивана и надел трусы... Люблю спать голым, даже зимой, когда холодно, и когда совсем один в постели, тоже сплю без трусов, привычка у меня такая. Побрел в ванную, принял душ – более холодный, чем того бы хотелось, куда более... Сделал

массаж ушных раковин, чтобы проснуться окончательно... И как бы невзначай, проходя мимо комнаты в которой обитала Женя, приоткрыл дверь.

Никак не ожидал, что моя гостя все еще не спит. Если она, также как я, была совой, ночной тварью, то именно в это время должна была спать безо всяких задних, а равно и передних ног. Я надеялся увидеть ее раскинувшейся на кровати, уставшей после ночных интернетовских трудов, бесчувственной, в сонной отключке, и все равно изумительно тонкой и красивой. Я не хотел до нее дотронуться, тронуть не хотел пальцем в тот ранноутренний час, увидеть лишь хотел, чтобы оставить вечный отпечаток на сетчатке, цветную фотографию на память. И по моему, мною же придуманному только что в душе сценарию, она должна была быть без одеяла – то ли вовсе забыть про него, то ли утратить его в процессе ночного брыканья длинными ножками, запинать и свалить одеяло грудой на пол.

Это чистейшей воды вуайеризм, то есть подглядывание, скажете вы, и окажетесь правы на триста процентов. Я люблю глазами, и уже в этом – полноценный мужик, потому что мужики, как известно, любят в первую очередь именно зрительными органами. Я люблю глазами, очень люблю, и Женя заслуживала того, чтобы ею услаждали зрение, больше всех остальных девушек, увиденных мною в жизни (а видел я девушек много, поверьте). Я уже видел Женю без одежды, но хотелось увидеть еще раз, потому что в тот момент она была больной, а сейчас, всего лишь через сутки, вдруг стала здоровой, и я уже забыл, какая она, и хотел вспомнить.

А случилось все наоборот – увидела голого меня она. Не совсем голого, вокруг бедер было обернуто полотенце. Оказывается, девушка вовсе не спала, она сидела перед монитором точно в такой же позе, в какой и вечером. Словно прошло всего пять минут, и не было ночи.

Она обернулась сразу, как я только открыл дверь, и сказала нежным своим голосочком: – А, Дмитрий. Привет,ходи.

Я зашел. Подлое полотенце сразу же попыталось свалиться, я едва успел придержать его рукой. Впрочем, Женю мой вид не смутил нисколько, более того, она уставилась на меня с определенным с интересом, даже, я бы сказал, оценивающе. А еще глубоко втянула воздух ноздрями, и, к удовольствию моему, не сморщилась недовольно. Вероятно, сравнивала меня с теми голыми мужиками, коих ей приходилось видеть прежде.

Я невольно втянул живот. Пузика у меня особого нет, к полноте не расположен, но все равно в тридцать шесть лет большинство мужчин выглядят определенно хуже, чем в двадцать. Так устроена жизнь.

– Сколько ты вешишь? – спросила она вдруг.

– Восемьдесят.

– Немало. А ведь совсем не толстый.

– Нужно, чтобы я был толстым?

– Ни за что! – фыркнула она. – Терпеть не могу жирных!

– А меня – можешь?

– Ты ничего... Восемьдесят кэгэ, и все – чистое мясо, никакого жира. Ты культурист, да? Качаешься?

– Плохо ты разбираешься в мужском мясе, – заявил я. – Если бы я был культуристом, при моем росте в сто восемьдесят я бы весил как минимум килограммов сто, а то и сто десять.

– У тебя отличные мышцы. Вообще, смотришься будь здоров, в одежде и не скажешь. Откуда такое?

Я хмыкнул. Она с детским удивлением обсуждала мою внешность, как будто в первый раз видела человека, занимающегося спортом.

– Вот, смотри, – я протянул руку, поднес ее к самому носу Жени. – Тебе это о чем-то говорит?

Слегка загорелая рука, костяшки выделяются на ней красными пятнами. «Кентос», типичные костяшки каратиста.

– Так, значит, ты драчун, Дмитрий? – Она покачала головой с некоторой задумчивостью. – Чем занимаешься? Карате, у-шу, айкидо?

– Вообще-то это бой без правил – смесь всего чего возможно, хотя больше самбо, чем бокса, – сказал я. – Но теперь я этим не занимаюсь, хирургу такое нельзя. Сломаешь палец, или хуже того, внутрисуставной перелом заработаешь, и конец головокругительной карьеры нищего русского хирурга.

– А раньше почему занимался?

– Несколько лет я не работал в больнице.

– А кем работал?

– Так, бизнес... – туманно произнес я.

– А почему из бизнеса ушел?

– Жить захотелось.

– Понятно... Слушай, а сколько тебе лет?

– Тридцать шесть.

– Да? – Она удивленно округлила глаза. – По виду намного моложе. Лысеешь вот только сильно, и шерстка на груди сесть начала...

– Спасибо за комплимент. Ты тоже не выглядишь на свои двадцать восемь.

– Ну про меня-то понятно... – Она снова начала проговариваться, но вовремя спохватилась и замолчала.

– И что про тебя понятно?

– Ничего.

– Хватит конспирацию разводить! – разговор налаживался, и я снова принялся за следовательскую работу. – Мы уже выяснили, что подлизы выглядят моложе своего возраста.

– Ага, – безучастно произнесла она.

– А почему?

– По кочану.

– Не груби. Почему вас называют подлизами?

– Потому что они уроды.

– Кто уроды? Подлизы?

– Нет. Те, кто нас так называет.

– А кто вас так называет?

– Чистильщики.

Все вернулось на круги своя. Она начинает мне рассказывать то, что я уже и так знаю.

– А вы и вправду подлизываетесь?

– Еще как... – Она усмехнулась.

– А как это выглядит? Можно посмотреть?

– Хочешь, чтобы я к тебе подлизалась? – она кинула на меня странный взгляд, неприятный, не слишком подходящий ее ангельскому личику.

– Попробуй.

– Дим, не надо!

В первый раз она назвала меня Димой, а не Дмитрием, и можно было заликовать, и расценить это как шаг навстречу. Но интонация... Она произнесла свое «не надо» с такой внутренней болью, с таким отторжением, что я почти физически почувствовал, как ее ладони отталкивают меня. Сердце мое дало перебой, а щеки вспыхнули.

Словно неожиданная пощечина.

– Почему не надо? – пробормотал я голосом севшим, разочарованным, предательски выдающим мое равнодушие к Жене.

– Нельзя. С тобой – нельзя.

– Почему?

– Я не могу тебе сказать. Извини...

Она опустила голову и закрыла лицо руками. Я оцепенело смотрел на нее. Сперва мне показалось, что она заплакала, и надежда на секунду ожила в моей душе – обнять, успокоить, прижать к себе, дотронуться губами до милого затылка, поцеловать в соленые от слез глаза, а дальше... И вдруг я понял, что она вовсе не плачет, просто не хочет видеть меня – пусть и накачанного, и не такого уж старого, но все равно неинтересного и мешающего. Мешающего сидеть за компьютером, смотреть в монитор, в миллион раз более привлекательный, чем моя персона. Просто сидит и ждет, когда я уйду.

Она была не такой, как все мои знакомые девушки. Совсем не такой, и я не мог понять – в чем.

Я повернулся и вышел.

Глава 5

Мы позавтракали вместе, молча, в гробовой тишине. Я не задавал вопросов, а Женя не утруждала себя даже произнесением слова «спасибо». Я сделал для нее два бутерброда с маслом и красной рыбой (семга, отличного качества, только вчера купленная), но она не стала их есть – представляете? Только понюхала, фыркнула едва слышно, по-хозяйски подошла к холодильнику, достала недогрызенную ей же шоколадку и съела ее – медленно, отламывая по кусочку длинными пальчиками, каждый из которых мне мучительно хотелось поцеловать. Потом я заявил, что уйду на работу, и вернусь после шести, и оставил ей ключи. Пытался оставить денег, но она посмотрела на меня так, что я почувствовал себя полным кретином.

Пришел я на работу в пресквернейшем расположении духа. Хотел было даже наорать на медсестру, забывшую подготовить больного Семенко к ректороманоскопии (обследование прямой кишки, перед ним положено несколько основательных клизм), но сдержался. Не могу сказать, что у меня стальные нервы, просто привык держать все в себе, не выплескивать на окружающих. Весьма распространенный психологический тип среди людей моего круга – полостных хирургов. Проведение жизни среди дерьма и разверстых кишок не способствует хорошему настроению, но спастись можно: нужно быть спокойным, вежливым, не психовать и относиться к людям как можно добрее. Перед вашими глазами сразу предстает образ, соответствующий установкам добродетельного христианина. Существует расхожее мнение, что люди, избывающие жизненный негатив внутри себя, растворяющие его внутри души, как фекалии в биотуалете, долго не живут, потому что сгорают, хватают инфаркт или инсульт и благополучно отправляются к праотцам в практически юном – скажем, пятидесятилетнем возрасте. А я думаю, все наоборот. На самом деле психопаты и истерические личности, с наслаждением отравляющие жизнь окружающим (и больше всего тем, кто от них зависит), живут недолго и некачественно. Непрерывные страдания и муки, в коих они проводят свое время, изнашивают их до срока. И на смертном одре вспомнить им нечего, кроме борьбы себя, любимого и несчастного, против остального мира, заселенного исключительно негодяями, подлецами и завистниками. Борьбы, не увенчавшейся успехом...

Однако, рабочий день прошел неплохо. Обход больных, всего лишь три операции, затем пять консультаций, одна из которых – осмотр жены владельца сети мебельных салонов, страдающей камнями в желчном пузыре – принесла мне желанную сотню баксов. Я отошел душой, подобрел и даже размяк. К тому же было на что кутить.

Почему я купил Жене именно лилии? Черт знает. Именно черт – все вопросы к нему.

Подвернулись они под руку – огромные, вычурные, голландские, белые с розовыми прожилочками, я и купил. Как они пахнут, я понятия не имел, но смотрелись здорово. К тому же продавщица уверяла, что стоять будут неделю, даже по жаре, а если каждый день обрезать стебли и добавлять в воду чуток аспирина и сахара, то и две недели.

Ну просто реанимация, скажу я вам, прямое сходство: оживление умирающего при помощи разнообразных растворов. Из-за этого я терпеть не могу покупать цветы, жалко мне их. Но Жене купил, нужно же было хоть что-то с Женей делать. Девушки – романтически устроенные существа, цветы действуют на них тонизирующе и приводят в хорошее настроение.

Я пришел к двери своей квартиры и позвонил. Пусть, думаю, Женя откроет мне сама. Пусть начинает чувствовать себя хозяйкой дома хотя бы в малой степени. Привыкает пусть.

Она долго возилась с ключом, наконец справилась, открыла и увидела меня – с вертикально поднятым огромным букетом цветов. Меня, сияющего, затарившегося на все жалкие сто баксов, что сегодня подарили. Идиот ты, Дима, скажете вы, и будете правы. Увы, влюбленные с катастрофической скоростью утрачивают мозговые функции. А влюблен я в тот вечер был на всю голову и на все сердце, не говоря уж об остальных частях тела.

– Это что? – сипло спросила Женя.

Показалось, что у нее перехватило дыхание, она даже рефлекторно приложила руку к горлу.

– Это тебе, – сказал я и протянул букет вперед. Аристократичные лепестки колыхнулись разом и дотронулись до носа девушки.

Она не ожидала от меня такого, не успела убежать, растерялась, я сделал свое дело слишком быстро. Бедная Женя не успела даже отвернуться, поэтому ее вырвало прямо на букет.

Замечательно, правда? Вы дарите красивой девушке цветы, а она на них блюет. Совершенно улетная сцена для какого-нибудь авангардного фильма. Если кто-то заинтересуется, прошу обращаться ко мне за авторскими правами. Успех у продвинутых критиков гарантирован.

Я опешил. Да, Женя – оригинальная девушка, в этом я уже убедился, но не настолько же... Это переходит некоторые границы, согласитесь. Так я и стоял, продолжая опешивать, то есть в полном мозговом ступоре, с облеванным букетом голландских цветочков в руках. А Женя резко повернулась и убежала в туалет.

Что мне было делать? Я пожал плечами и пошел к мусоропроводу. Букет никак не хотел влезать в это... не знаю, как называется коробка, которая там присобачена. Пришлось ломать стебли, вминать цветы внутрь руками. Скинулось в бетонную трубу только с третьего раза, при этом я весь перемазался в рвоте. Замечательно, просто обалдеть можно.

Такие дела.

А дальше я иду в квартиру. Сразу в ванную – отмывать руки. Ванная и туалет у меня отдельные, поэтому я мою руки и слышу, как тошнит Женю в соседнем помещении. Потом возвращаюсь в прихожую, забираю кульки с купленной едой, аккуратно положенные на лестничную площадку перед тем, как вручать букет, запираю дверь, устало вытираю пот со лба, смотрю на себя, усталого, в зеркало, качаю головой и не верю, что это происходит со мной.

Потом стучу в дверь туалета.

– Женечка, как ты там?

– Извини, Дим. Извини, пожалуйста...

Совсем не то, что я хочу слышать. Это я виноват перед ней, жутко виноват. Не знаю почему, но чувствую это всеми потрохами.

– Женька, открой.

– Подожди...

– Жень, что с тобой, солнышко? Ненормальная реакция на цветы?

– Подожди. Ой...

Снова неприятные звуки. Ей плохо, и я ничего не могу для нее сделать. Проще было, когда она была без сознания: тогда я делал то, что нужно, а она не могла этому сопротивляться.

– Жень, выходи.

– А ты... Ты убрал *это* ?

Слабый голосочек с той стороны туалетной двери. Слабый, но вполне достаточный, чтобы уловить в слове «*это*» неподдельное отвращение и даже ужас.

– Выкинул в мусоропровод. И руки помыл. Честно. Выходи.

Через минуту молчания щелкает замок, дверь открывается, и в образовавшемся просвете появляется осторожная несчастная рожица. Она смотрит на меня, убеждается, что в руках моих нет омерзительного букета, распахивает дверь и мышкой шмыгает в ванную.

– Дай мне полотенце, – голос оттуда.

Беру с полки чистое полотенце, иду к ванной, медленно открываю дверь, вижу голую, не прикрытую занавеской, стоящую в ванне ко мне спиной Женю, яростно, до красных полос на коже трущую себя моей мочалкой.

– Я повешу полотенце сюда, – говорю.

– Ага.

О господи, – думаю, – я так больше не могу, она сводит меня с ума!

– Потереть тебе спинку? – говорю.

– Нет, уйди! От тебя пахнет *этим*. Фу! Ты тоже помойся, сразу, а то мне плохо будет!

И я уйду.

Не подумайте, что я совсем глуп, и не догадался, в чем дело: Жене пришлось не по нутру запах цветов. Понять это было несложно – ее обнюхивание моей квартиры, моих бутербродов, да и самого меня красноречиво свидетельствовало о том, что у девушки обостренное, патологическое обоняние. Бывают такие, я называю их люди-собаки. Знаю потому, что они не могут лежать в хирургическом отделении, сбегает отсюда на второй или третий день из-за специфических запахов. Знакомо такое.

Пока Женя мылась под душем, я посетил ее комнату. В смысле, комнату, которую я первоначально отвел ей, а не мою, в которой она обитала в последнюю ночь. И обнаружил там кое-что новое. Если точнее, новый компьютер.

Видимо, судьба у меня такая была в тот день – опешивать раз за разом. Удивить меня трудно, но как не удивиться, если ты всего на полдня уходишь на работу, а когда возвращаешься, видишь в своей квартире новейший компьютер с дорогущим цветным принтером-сканером-факсом впридачу, и картриджи для этого принтера свалены в углу картонной кучей, на первый взгляд – на полгода вперед. И стоит это чудо техники на многоэтажном шведском столе, занимающем почти треть комнаты. Как-то неожиданно, и, безусловно, круто.

Стало быть, Женя основательно прибрахлахлась. Могла бы ограничиться ноутбуком, но вот не может жить без 22-дюймового плоского экрана от IBM, и внешнего модема от Zухel, и всего прочего, положенного богатым людям, задирающим нос и не экономящим деньги.

А где тумбочка, кстати? – думаю. – Куда она, – думаю, – кстати, делась?

А Женя, несколько не завернутая в полотенце, а продолжающая вытирать им волосы, и все еще без одежды, в этот момент входит в комнату, смотрит на меня, продолжающего опешивать, а точнее, просто остолбеневшего, морщит носик и говорит:

– Дим, иди в ванную, немедленно отмойся. И постирай все, что на тебе.

Директива такая. Да что там директива, просто ультиматум. Намек на то, что от меня густо воняет. Люди-собаки, что с них взять? По-своему несчастные природные создания.

Иду в ванную. Во-первых, отмываюсь. От лилий? Да, конечно, от них – не от себя же мне отмываться, я только утром принимал душ. Во-вторых, кидаю в стиральную машину все, что было на мне, и запускаю мотор. В-третьих, обнаруживаю, что забыл взять с собой чистые трусы (вот они, холостяцкие привычки), и полотенце. А то полотенце, что было, утащила Женя.

Выползаю из ванной мокрый, слегка лишь отряхнув брызги воды на пол, прикрывая срамное место рукой. Надеюсь, что Женя – в какой-то из комнат, и успею взять полотенце из шкафа в прихожей. Не тут-то было: Женя стоит напротив ванной, завернутая в зеленое махровое полотенце, и смотрит на меня лемурыими глазами, и втягивает воздух носиком, пытаюсь определить, хорошо ли я отмылся от непереносимой вони лилий. Я ойкаю и говорю:

– Извини, полотенце не взял...

– Возьми это, – говорит она, скручивает полотенце с себя и протягивает мне.

Думаете, я не взял?

Ничем это не кончилось. Ничем хорошим.

Случись на месте Жени другая девушка, мы бы уже сутки не вылезали из постели. А ей – хоть бы хны. Ходит передо мной периодически голая, невероятно красивая, соблазнительная не то что до головокружения, а просто до сноса крыши, и не хочет меня – настолько явно, что явнее не бывает. Показывает всем своим видом: даже прикосновение пальцем будет приравнено к изнасилованию пятнадцатой степени с дополнительнымиотягчающими обстоятельствами. Может, она лесбиянка? Да нет, не похоже. Терпеть не могу лесбиянок, посмотрелся на них в клубах, хватило мне. Просто она *подлиза*, которая почему-то то ли не хочет, то ли не может *подлизываться* ко мне.

Интересно, – думал я в тот момент, – я когда-нибудь узнаю, кто такие подлизы? Или не суждено?

Итак, я одеваюсь и иду в комнату к Жене – разбираться насчет компьютера. Она тоже оделась – сидит перед экраном в новых шортиках и обтягивающей маечке, и снова пялится в экран.

– Что с тобой случилось? – спрашиваю.

– Ты про цветы? – она неохотно отрывает взгляд от компа и поворачивается ко мне. – Я не переношу запаха лилий.

– Я уже догадался. Но знаешь, милая, твоя непереносимость – что-то невероятное. Тебя всегда так тошнит от лилий?

– Нет, нет, просто я еще не совсем выздоровела. Не забывай, что у меня только что было сотрясение мозга.

– А еще какие запахи не выносишь?

– Много чего. Пионы, розы... Орхидеи ужасны, непереносимы! – Она брезгливо машет у носа рукой. – Всю парфюмерию терпеть не могу. Ты, кажется, не пользуешься дезодорантами?

– Теперь – нет.

– Что значит теперь?

– Перестал пользоваться, когда потерял обоняние. Понятия не имею, воняет от меня или нет. Поэтому моюсь регулярно, каждый день, мылом, и никто на мой запах не жалуется.

– Ты ничего так пахнешь, приятненько, – сообщает она. – Мыло я люблю.

– Спасибо за комплимент, – говорю несколько смущенно.

Тяжело иметь дело с людьми-собаками. Они знают о тебе что-то такое, о чем ты сам говорить не хочешь. Например, сколько кружек пива ты употребил вчера вечером. Или о том, что час назад имел секс. Или о том, что у тебя проблемы с желудком. И так далее. Они получают информацию, недоступную большинству других людей, и не имеют от этого ни малейшей выгоды, ни даже удовольствия – только дополнительные специфические страдания.

– Не за что, – говорит она. – Дим, ты не против, если я немножко поработаю?

Отвлекая ее, значит, опять мешаю. Ладно, хоть за лилии простила, принцесса.

– Откуда вся эта роскошь? – Обвожу комнату рукою.

– Как откуда? Купила. Ты пользуешься интернет-магазинами?

– Нет, бог миловал.

– Зря, это удобно и совсем недорого. Там наценки меньше, чем в остальных местах. И привозят прямо на дом, никуда ходить не надо.

– Меня мало интересуют наценки. Я вообще плохо считаю деньги, не раз на этом горел. Сколько стоит то, что ты накупила?

– Около пяти тысяч евро, – говорит она скромненько.

– Ай, мама моя! – восклицаю я. – Да ты с ума сошла! На эти деньги можно всю комнату компьютерами уставить! Или тачку купить вполне приличную! Моя «Хонда» меньше стоит!

Ну и квартирантку я подцепил! Ни дня без сюрприза...

– Да, немножко потратилась, – она кивает головой. – Но не могла же я покупать тебе всякую дешевку. Это мой подарок тебе, Дима, все это твое. Ты не против, если я этим пока

чуток попользуюсь? А когда уйду, все останется тебе. Кстати, завтра тебе протянут выделенную интернетовскую линию, а то эта как черепаха, работать невозможно... – Женя лукаво улыбается. – Должна же я как-то отблагодарить тебя за свое чудесное спасение?

И тут я буквально выпадаю в осадок. Никто никогда не делал мне таких дорогих подарков. Тем более – девочка, которая выглядит как десятиклассница. Кто она – дочка миллионера? Вполне возможный вариант... впрочем, нет. Будь она из элитной семьи, вела бы себя совсем по-другому, знаю я дочек из верхов, у которых вечные страдания из-за того, что бриллианты слишком мелкие. Значит, зарабатывает сама. Чем, этим вот Интернетом? Не очень-то верится. Или какой-нибудь криминальный бизнес, за то и пострадала? Вот уж это точно не соответствует – видел я бандюганов достаточно, в их обществе сожрут такую лапочку за пять минут, и косточек не оставят. Может, она проститутка? Нет, проститутки ныне столько не зарабатывают, да и прижимисты они, копят на будущее семейное счастье.

В самый раз встать в красивую позу и сказать, что, мол, Дмитрий Бешенцев не продается за подарки. И тогда все станет окончательно ясно, и вы поймете, что я клинический идиот, и не зря попал в психушку. Но я не полный идиот, хотя и страдаю помутнением рассудка от влюбленности. Поэтому такого не говорю, просто молчу, не знаю, что сказать.

– Почему ты молчишь? – спрашивает Женя. – Тебе не нравится мой подарок? – И кокетливо так закусывает нижнюю губку, свинюшка. Видит ведь, что я почти в нокауте, так еще и издевается.

– Спасибо тебе, Женечка, – сиплым голосом говорю я. – Подарок замечательный. Можно я тебя за него поцелую?

– Можно, – разрешает она, как мне кажется, без особого энтузиазма.

Я целую ее в губы. Поцелуем это назвать трудно – она снова холодна и зажата, ненадолго хватило ее улыбки и кажущегося ко мне расположения. И еще раз говорю:

– Спасибо.

– Пожалуйста.

И это означает: вали из комнаты и не мешай работать.

Что было дальше? Скажу сразу: ничего интересного. Всю неделю Женя сидела дома у компьютера – почти безвылазно, с перерывами только на еду. Я уходил на работу, возвращался, здоровался с ней, перебрасывался парой ничего не значащих фраз... Все попытки разговорить Женю натыкались на глухую стену. Думаю, если бы я предложил платить ей, как квартирантке, она согласилась бы безропотно – только бы отвязался. Она видела мое состояние, мою влюбленность, не могла не видеть, с ее-то эмпатией, но не реагировала никак. Я пытался напоить ее, угостить шампанским, но она категорически отказалась, сказала, что никогда не пьет алкоголя, что ей нельзя. Почему – опять не объяснила.

Я начал уставать от этого. Скажу откровенно: я привык к регулярной половой жизни. Пусть не каждый день, но хотя бы пару раз в неделю – и уж тогда до отвала, до полного насыщения, до безусловного обоюдного удовлетворения, когда может еще, но уже не хочется. Проблем с подружками у меня не было. Не подумайте, что я развратник и ловелас (да нет, я все-таки ловелас, следует это признать, покаянно опустив голову, но вот точно не развратник... хотя кто знает?). Просто так я устроен. Не вижу в этом ничего плохого: я не покупаю любовь, всего лишь доставляю удовольствие милой девушке, и получаю при этом удовольствие сам, и беру при этом на себя определенные обязательства по обеспечению девушки всем минимально необходимым, да что там минимально, совсем не минимально... Хотя я совсем не богат, но девушка, с которой я тесно общаюсь, не должна думать в этот момент ни о чем и ни о ком, кроме меня.

Проще говоря, было у меня в то время несколько постоянных подружек. Несколько... хорошая такая цифра. Вы, наверное, подумали, что не меньше дюжины. Разочарую вас – их было две – постоянных. Непостоянные тоже были, случались постоянно, но о них умолчим, дабы не упрекать меня в легкомыслии.

Так вот, девушки мои звонили – и постоянные, и не очень, и спрашивали, куда я пропал, и предлагали меня навестить – со всеми вытекающими последствиями. Я очень хотел, чтобы меня навестили, и всем организмом жаждал вытекающих последствий, но вынужден был отказывать – бормотал какую-то неубедительную чепуху и обещал, что скоро, очень скоро, как только всё, так сразу...

А ведь мог бы и согласиться. В конце концов, с Женей у меня не было никаких договоренностей, обязательств и даже перспектив. Она была моей квартиранткой, и только. Она обитала на своей территории, я – на своей. Я мог бы пригласить одну из подружек и заняться с ней любовью в своей отдельно взятой комнате, имел на это полное право. Конечно, подружка могла выразить удивление по поводу присутствия в моем жилище Жени, но я бы отбоярился, сказал бы, что она – моя двоюродная сестра, и Женя подтвердила бы это, почему бы ей не подтвердить. И все прошло бы славно, и после апофеоза любви, сопровождающегося, как водится, громким скрипом дивана, пыхтением и даже, пардон, криками на всю квартиру, мы мирно пили бы второе чай на кухне...

Нет, нет, конечно, так бы не вышло. Не сомневаюсь, что Женя подыграла бы мне в маленькой невинной лжи. Но также нисколько не сомневаюсь, что она ушла бы от меня после первого визита первой же подружки, потому что я нарушил бы тайну ее обитания. Это было для нее самым главным, я обещал ей, и должен был держать обещание. И пока я держал его, мог надеяться, что Женя будет жить у меня дальше. Я все еще мечтал наладить с ней отношения. Я хотел именно Женю, и никого больше, она одна без труда перевешивала всех моих подружек, вместе взятых.

Я все еще на что-то надеялся. Я здорово свихнулся на Жене, мне хотелось видеть ее каждую минуту, говорить с ней, слышать ее голос... Я спешил домой, уходил с работы раньше, чем обычно, уменьшил количество ночных дежурств. Увы, выманить Женю из комнаты было все труднее. Компьютер – единственное, что ее интересовало.

Евгения легко и непринужденно сломала мой алгоритм поведения с девушками. Все наработки, действующие до сих пор безотказно, дружно дали сбой и не действовали. Я топтался вокруг нее как неуклюжий медведь, громко сопел и вздыхал, а она не обращала на меня внимания.

Так прошла неделя. А потом Женя ушла из дома – выбралась в первый раз, и не вернулась.

Глава 6

Женя ушла из дома, и я не знал, где ее искать.

Возможно, она успела обзавестись сотовым телефоном, но я не знал его номер. Она ушла так, словно вышла на минутку, все осталось на месте – ее одежда, недоеденный зефир и недопитый чай, даже постель не заправила. Однако этой ночью она не вернулась. И в следующие две ночи – тоже.

Я не находил себе места, совсем не спал, лишился аппетита и похудел. Казалось бы, чего мне переживать: история с Женей закончилась, она никогда не обещала, что останется навсегда, вообще ничего не обещала. Она просто ушла из моей жизни, и все. Ушла, оставив мне шикарный подарок. Аллес, можно ставить точку, приглашать всех подружек по очереди и оптом, предаваться с ними любви и веселью, и наслаждаться жизнью.

А я лежал на ее диване, на ее простыне, страдая от того, что не могу слышать оставшегося от нее запаха. Пару раз включал ее комп, пытался понять по установленным программам и сохранившимся в браузере ссылкам, чем она занималась в сети, но так ничего и не понял. Вся личная информация Жени находилась на отдельном хард-диске (в этом навороченном компе их было аж три штуки, клянусь!), и была защищена паролем. Я не настолько силен в компьютерах, чтобы попытаться сломать код. Поэтому я просто лежал и ждал ее, Женю, моего человека-собачку. Периодически я посещал спортзал, чтобы отвлечься, и молотил боксерский мешок, и спарринговал с кем-нибудь в ринге, довольно агрессивно, побеждал в те дни почти всегда. Но отвлекало это мало.

А потом я вдруг получил от нее сообщение на мобильник.

Было это так: я только что вернулся с операции. Во время операций – никаких сотовых, это не общее врачебное правило, но мое – точно. Отвлекает, мешает настрою. Вообще не люблю мобильники, да и телефоны в целом терпеть не могу. Побудьте с мое хирургом, и поймете, о чем речь. Раза два в неделю обязательно раздается звонок: «Дмитрий Андреевич, не могли бы вы подойти в третью операционную? Сложный случай, Василий Серафимович очень просит помочь». А Серафимыч – это наш главный врач Пахомов, Заслуженный врач Российской Федерации, между прочим. Я очень многим ему обязан, слишком многим, чтобы отказывать в просьбах – и приличным заработком обязан, и немалой независимостью в больнице, и командировками на симпозиумы в Германию и Голландию. Таким не разбрасываются. В третью операционную, говорите? Да сущая безделица! Мне вообще нечего делать, я совершенно свободен, ведь в момент звонка я всего лишь сижу с девушкой в кинотеатре, или лежу с ней (или на ней) в постели (час ночи), или, предположим, вкушаю в ресторанчике красную рыбу со своим другом-коллегой из Испании, или, скажем, жарю шашлык на даче с друзьями в ста километрах от города. Почему бы не подойти в третью операционную, а? И я скриплю зубами от неудовольствия, и говорю девушке, друзьям, шашлыку и тушеной в молоке с сельдереем семужке: извините, я должен отлучиться. Потом выползаю в ночную тьму, седлаю свою несчастную невыспавшуюся тачку и мчусь делать то, что единственно хорошо умею. Такова моя судьба.

Так вот, я вернулся с операции, последней запланированной на этот день, и вернулся в ординаторскую. Мобильник пискнул, напоминая о том, что кто-то прислал мне депешу. Я взял телефон и увидел сообщение:

«дим забири мяя скрее пожлст!!!!!!! горкого 26 17 быстр!!!!!! женя осторожно!!!!!!»

Орфография и пунктуация сохранены. Впрочем, в тот момент мне не было дела до опечаток. Женя, моя Женя! Она нашлась где-то на улице Горького.

Слово «осторожно» мне совершенно не понравилось. Будь ситуация иной, я прихватил бы с собой кого-нибудь из знакомых милиционеров, а у меня их, знакомых, – вагон и маленькая

тележка, даже больше, чем знакомых бандитов. Но Женя панически боялась людей из УВД, и я не сомневался, что она имеет для этого веские причины.

Я отпросился у заведующего, сел в машину и помчался. Ехать до улицы Горького недолго, минут пятнадцать, но я спешил и долетел за десять. Все это время я лихорадочно обдумывал, что такое забыл, и что нужно бы еще сделать, чтобы операция по вызволению Жени прошла удачно. Я почему-то решил, что ее кто-то держит взаперти, и придется действовать силовыми методами, и иметь дело если не с бандюками, то как минимум с отморозками. И, как я не обмозговывал ситуацию, выходило, что все я делаю неправильно, не так, как нужно. Посему, когда я добрался до названной Женей квартиры, решил не напрягать голову, а разобраться на месте.

Позвонил, жду. Долго жду, минут пять, звоню снова и снова. Наконец, раздается голос с той стороны:

– Чего надо?

– Врач я, – говорю. – Скорую вызывали?

Тот, кто с другой стороны двери, смотрит в глазок и в самом деле видит врача, потому что я в белом халате. На людей сия спецодежда действует обезоруживающе. Угрожающе выглядит только один вид белохалатников – санитары из психушки, их стараются набирать крупных и крепких, с соответственно гранитными челюстями и чугунными кулаками. Хотя в нынешнее время это правило регулярно нарушается – берут всех подряд, и мозгляков, и алкоголиков. А зря, в психическом деле нужен особый подход.

– Никого я не вызывал, – сообщает обитатель квартиры. – Ошибка тут какая-то.

А я и не сопротивляюсь, мне и нужна ошибка.

– Молодой человек, откройте, пожалуйста, – говорю.

– Зачем? Я же сказал, что не вызывал!

Нервничать начинает. Да нет, нервничал с самого начала. Есть, значит, отчего бренчать нервами.

– Вам нужно расписаться, что не вызывали, – произношу я спокойным доброжелательным тоном. – У нас ложные вызовы бывают постоянно, ничего в этом особенного. Позвонит какой-нибудь хулиган-дурачок, назовет адрес соседей, чтобы досадить им. И мы едем... Поэтому, пожалуйста, откройте и распишитесь.

– Да ладно, не надо ничего расписываться! Не вызывали, и все! Базара нет.

– Хорошо, – я киваю головой и делаю вид, что собираюсь уходить, а тот, из-за двери, тарашится на меня через глазок. – Милиция подъедет, разберется.

– Какая еще милиция? – голос становится почти истерическим.

– Постановление мэрии, – вру без малейшего стеснения. – С целью предотвращения ложных вызовов неотложной помощи и для экономии средств федерального медицинского страхования. Не расписались – разбирайтесь с милицией. Я им сообщу, через полчаса подъедут.

– Эй, подождите!

Щелкают замки, дверь открывается. Высовывается морда молодого человека – довольно крупная, раза в полтора шире моей.

– Доктор Панченко, – я вежливо прикладываю руку к сердцу, кланяюсь и улыбаюсь. – Кажется, вы сменили гнев на милость? Можно пройти?

– Ага, только быстро.

Прохожу. Квартира – в элитном, выстроенном три года назад доме, уже это обо многом говорит. Бедные здесь не живут, да и обычный средненький класс – тоже. Жилье для богатых.

Парню лет двадцать. Не толстый, не успел еще набрать лишнего жира, просто габаритный от природы. Да еще и качок – сто десять кило, не меньше, и бицепсы как дыни. Кулаки здоровенные, с характерными отметинами – единоборствами занимается. Никак не бандит, скорее, мажор – сынуля обеспеченных родителей. Белокрысы к тому же, отмечу. Люблю бить

блондинов, сам не знаю, почему. Может быть потому, что сам я брюнет, к тому же активно лысеющий.

Если он – единственное препятствие на пути к моей Женечке, то препятствий нет.

Дверь он оставляет открытой – видимо, уверен, что выпроводит меня через полминуты. Это хорошо, потому что замки, само собой, сложные, и открываются только ключом, никаких защелок и собачек.

Прихожая размером чуть больше моей большой комнаты, много зеркал, на полу – ламинат. Дрянная штука, очень скользкая, драться на таком – никакого удовольствия. Впрочем, справимся... да о чем я вообще? Вроде, никто не собирается пока драться. Может, обойдется?

Я подхожу к высокой тумбочке, уютившейся между двух угловых зеркал, достаю из широких штанин чистый листок бумаги, кладу его на тумбочку и говорю:

– Ручка есть?

Козырный вопрос. Надо же, на самом деле, забыл я впопыхах ручку. Любой бы догадался, что что-то не так: врач скорой без ручки, чемоданчика, стетоскопа и медсестры – чистый нонсенс. А я-то думал, чего мне не хватает, умственный инвалид... Но парниша, похоже, видит врача скорой в первый раз в своей благополучной жизни, и, как говорится, усом не ведет.

– Ага, шас.

И исчезает в одной из комнат.

Длинный коридор идет вдаль, содержит шесть дверей, а потом поворачивает вправо, и что там, я не знаю. Значит, как минимум, шесть комнат. Да какая мне разница, сколько их здесь – комнат? Куда интереснее, сколько здесь людей. И где моя Женя, в конце концов?

Блондин возвращается очень быстро, и не один, а в компании. Увы, не в компании Жени. Его сопровождает долговязый хлыщ – такой же юный, нисколько не культурист, хотя и не обделенный природой внешностью. Два с малым метра, тонкие усики, взбитый над низким лбом кок а-ля пятидесятые, чистая белая кожа, длинная щель рта, правильный нос и глаза как у народного певца Киркорова Филиппа Бедросовича.

Красавчик, словом. По внешнему виду – взбудораженный и вообще на взводе. Как говорит мой приятель Вася Мидянин – будированный. Есть такое забавное слово. «Весьма будирован», – обычно говорит друг мой Мидянин.

Несет, значит, блондин ручку типа «Паркер», всю золотую. Ладно, пойдет, лишь бы писала.

– Чо надо? – кричит этот длинный и хватает меня за лацканы халата. – Ты чо сюда пришел, лепила?

О, какие слова мы знаем... Он еще и пьян, оказывается. Не понял, что пришел дяденька врач из скорой, и нужна дяденьке всего лишь расписка. Ну ладно, потерпи, мальчик. Недолго осталось... надеюсь.

Начинаю заводиться, но нужно держаться. Нужно.

– Ты чо,пусти его! – гудит басом блондин. – Я же сказал: **врач приехал.**

Золотые слова. Парень врубился, не буду бить его сильно.

Аккуратно, интеллигентно отцепляю клешни долговязого от своей спецодежды, отодвигаюсь от парней на три шага и говорю:

– Где Женя? Давайте ее сюда, ребятаки, и побыстрее.

–! – орет длинный. (Я обещал не использовать в своем рассказе ненормативную лексику, и сдержу обещание, Буду оригиналом на фоне нынешних непрерывно матерящихся бытописателей). – Я же сказал тебе, ..., ..., а ты ни ... не понял!

– Заткнись! – кричит в ответ блондин. – Зови братьев! Бегом! А я шас разберусь!

Ага, значит, здесь как минимум четверо. Пока не слишком много. Хотя кто знает, сколько на самом деле. Может, этих братьев – человек десять...

И этот здоровенный блондин сразу начинает бить меня. То есть он думает, что начинает бить, а на самом деле я начинаю обрабатывать его, и при этом думаю, как бы не убить до смерти, потому что это, сами понимаете, статья. Парень действительно чему-то учился, видно по траектории удара, но все остальное, кроме траектории, не годится ни к черту. Ни силы, ни работы ногами, ни скорости, ни защиты. Защиты у него вообще нет, не умеет он такого. Готов поспорить, что он платит за свое обучение немалые деньги. Неправильно это. У нас в стране странная прямая зависимость, не похожая на то, что имеет место в капиталистической Европе (в которой я бывал несколько раз и смею судить). У нас так: чем больше ты платишь, тем меньше шансов, что ты чему-то научишься. Возможно, это вытекает из нашего советского прошлого, в котором все было бесплатно. Когда студента дрючат и в какой-то степени унижают, он приучается работать и часто боготворит дрючащих его учителей. Это бесплатно со стороны студизуса, но неизменно приносит положительный результат. Когда же, наоборот, обучаемый исправно платит за свое обучение, то получает дурацкую иллюзию, что за свои деньги может не делать ничего, не ходить на лекции, не сдавать полноценно экзамены и, проще говоря, не учиться. Результат, как правило, плачевный.

Парень, затеявший со мной драку, чему-то учился, но учился плохо. Не привык, что его дрючат, и потому халтурил. По мне он не попал ни разу, и двух моих ударов хватило ему с избытком. Бедолага рухнул на ламинат как подстреленный буйвол и сразу затих. Я обещал не бить его сильно, и не бил. Он удачно притворился полутрупом – вероятно, был не так глуп, и понял, что сегодня ничего хорошего для него уже не произойдет.

Через полминуты из комнат набегали остальные трое – долговязый и пара братцев. Слова «они мне не понравились» в данном случае не подойдут, потому что понравиться мне они не могли по умолчанию. Проблема в том, что братцы оказались куда круче блондина и долговязого, с явными бойцовскими навыками.

Они были однойцовыми двойняшками. В смысле, не по одному яйцу на брата, а похожими друг на друга как две капли воды. Двухметровым ростом не отмечались, ниже меня, но сложение имели крепкое, не культуристское, а скорее каратистское. Ребятки были одеты только в трусы, и я мог по достоинству оценить их жилистый экстерьер. К сему добавлю, что были они азиатами – что-то типа китайцев или корейцев. Узкоглазенькие такие, аккуратные – парочка клонированных Джетов Ли.

Действовали парни слаженно – видимо, привыкли работать в паре. Навалились на меня с двух сторон, били в основном ногами – благо, в просторной прихожей места было более чем достаточно. Я поставил несколько удачных блоков, а потом пропустил сильный удар в живот, и сразу подсечку, и очутился на полу.

Дальше – обычная картина: вы лежите на земле, вас пинают ногами, вы крутитесь и пытаетесь уйти от ударов. Знаете такое? Вероятно, с вами такое бывало не раз. Не было? Ничего, будет еще, и вы пополните свой жизненный опыт незабываемыми ощущениями.

Долговязый не удержался и присоединился к экзекуции. Тут он совершил ошибку и облегчил мою задачу. Я без особого труда поймал его за лодыжку и свернул ее в болевом приеме. Парень завыл как сирена и свалился – естественно, прямо на меня, я подкорректировал траекторию. Я вlepил ему кулаком в ухо – основательно, чтобы заглох и не дергался – не люблю, когда орут прямо в лицо, невежливо это. Он заглох. Некоторое время я орудовал долговязым, прикрываясь им от пинков. Потом решил, что достаточно, врезал хлопцу еще разочек для гарантии непротивления злу насилием, откинул его в сторону и одним движением перешел в вертикальную стойку.

Мне бы уйти в коридор – он поуже, работать братьям было бы не так удобно. Но я прикрывал дверь на лестничную площадку, не хотелось, чтобы ее заперли. Поэтому следующие две минуты прошли в довольно жестком спарринге. Ребятки запыхались (нечего махать нижними конечностями, руки человеку тоже на что-то даны), и действовали все менее эффективно.

И все же братья оказались крепкими бойцами, упорно держались на ногах, хотя каждый из них словил уже по несколько моих джебов и крюков. Наконец один из них удачно подставил челюсть и отправился в нокаут. Второй сразу же закрылся, отступил в коридор и ушел в глухую защиту – понял, что одному ему со мной не справиться. Выглядел он куда менее аккуратно, чем несколько минут назад – из ноздрей его обильно текла кровь, попадала в рот, и он, фыркавая, сплевывал ее на пол. Весьма неэстетично. Замечу, правда, что и сам я был грязноват – порванный мой халат украшали пятна чьей-то крови. Я надеялся, что не моей.

– Кто ты? – крикнул парень. – Зачем сюда приходишь? Уходи давай! Милиция вызывать буду!

Говорил он с иностранным акцентом. Вряд ли китайским – скорее, среднеазиатским.

– Мне нужна Женья, – сказал я. – Я заберу Женю и уйду. Понял?

– Не знаю никакой Женья! Уходи быстро! Ты не знаешь, куда пришел! Плохо тебе тут будет, совсем плохо!

– Это тебе будет плохо. – Я окинул взглядом помещение, убедился, что все, кого я приласкал, лежат недвижно и находятся без сознания, и сделал шаг вперед. Брат-2 сразу же двинулся назад, не в силах скрыть нежелание вступать со мной в близкий контакт. – Ты пойми, дружок, – продолжил я, – я хороший дяденька, и мне почти ничего не нужно. Ничего, кроме Жени. Я заберу ее и уйду. И будет тебе за это счастье...

– Кто такой Женья? У нас нет такой человек! Ты не туда попал, доктор врач! Нет Женья! Уходи, пожалуйста!

Ничего себе выражение – «доктор врач». Забавно. Умеют же чурки выдавать отличные словосочетания – хоть в качестве сетевого ника их используй. Хотя лично я, когда брожу по интернетовским форумам, называю себя «Убийца в белом халате». Намек вовсе не на убийство, а на некоторое знание истории, и, следовательно, претензия на наличие интеллекта.

Что делать? Время идет, отщелкивает секунды безжалостно – так, что в ушах звенит. Хата богатая, мажорская, без сомнения обслуживается каким-то из охранных агентств. То, что до сих пор не вызвали охрану, говорит только об одном: Женья действительно здесь, эти ублюдки держат ее против воли и не хотят засветиться. Но дверь квартиры приоткрыта, шум своей дракой мы создали преизрядный, и в любой момент кто-то из соседей может заинтересоваться, что происходит. А я хочу справиться с ситуацией без привлечения милиции – так нужно Жене. Я по-прежнему думаю больше о ней, чем о себе.

И я говорю:

– Отдай мне девушку. Считаю до пяти, дальше будет хуже.

– Уходи давай! Нет здесь никакой девушка, совсем нет!

Вот же тупой. Или упрямый. Или, что вполне вероятно, они с братом – телохранители белобрысого и долговязого, мальчиков-мажоров. Поэтому хлопец выполняет рабочие обязанности и не выдает хозяев, совершающих преступные гадости. Впрочем, не важно, что именно. Мне некогда, ужасно некогда...

Я вырубил его. Не буду рассказывать как это случилось, ничего нет в этом интересного. Скажу только, что это заняло немного времени, потому что я спешил. И еще скажу, что мне чудом не сломали нос. Просто чудом.

Затем я вернулся в прихожую и прикрыл входную дверь, не защелкнув на замки. И пошел по коридору, открывая все двери.

Эта дверь не открылась, единственная была запертой. Я постучал в нее и крикнул:

– Женья? Ты там?

И уловил тихое, едва слышное:

– Да...

– Женья, ты можешь мне открыть?

– Нет...

– Почему?

– Не могу... Не могу встать...

Черт! Я побледнел от злости, сжал кулаки. Что эти подонки с ней сделали? Головы им поотрываю!

– Что с тобой, Женя? Тебе плохо?

– Да.

Дверь, как это часто случается с красивыми вещами, оказалась хлипкой. Я сокрушил филенку двумя ударами, выломал все, что мне мешало, и вошел в комнату. Женя лежала на кровати, прикрытая простыней, смотрела на меня грустно, глаза ее окружали багровые, начинающие желтеть синяки. Я подошел, приподнял простыню. Без одежды, и снова жестоко избитая. За что?

– За что тебя эти... сволочи?

– Не сейчас, – шепнула Женя, едва шевеля разбитыми губами, – потом расскажу. Ты можешь меня понести?

– Конечно, милая. Потерпи еще минутку, сейчас вернусь.

Я пулей вылетел из комнаты в прихожую, оглядел избитых. Все они слабо шевелились (кроме блондина, он играл роль пострадавшего наиболее правдоподобно, хотя досталось ему меньше всех), но боеспособными никак не выглядели. Я наклонился, цапнул ворот рубахи долговязого, приподнял его.

– Кто такая Женя? – спросил.

– Проститутка, – сказал он просто, и пожал плечами, возможно, удивляясь, что я, приехавший забрать девчонку, не знаю, кто она такая. – Классная шлюха, суперская, в жизни таких не видел...

Я не выдержал и ударил его еще раз. Он вырубился резко, на этот раз действительно потерял сознание. И я позавидовал ему, мне тоже захотелось уйти в астрал и не думать ни о чем.

Классная шлюха... Женя – проститутка. Это объясняло многое, почти все, в том числе и то, что она не хотела сблизиться со мной. Она была благодарна мне, но не могла отплатить мне тем, чем расплачивалась со своими клиентами – телом. Она воспринимала меня как нечто отличающееся от прочих самцов, нечто более высокое. И поэтому вместо себя подарила мне компьютер... Боже, почему мне так не везет?!

Я едва держался, чуть не всхлипывал, когда шел, чтобы забрать Женю прочь из проклятого места... Эти уроды расколотили мои мечты, расколошматили мои иллюзии – с размаху молотком по фарфоровой вазе. Я не плакал внешне, не было слез, но внутри рыдал как пятилетний ребенок, невзначай подглядевший, как его няня, любимая девятнадцатилетняя няня, лежит голая на маминой постели с его папой, тоже любимым, любимым папой, лежит и делает что-то такое вместе с ним, папой, и в этот момент ты понимаешь, что никому ты не нужен. Что у них – свое удовольствие, и им это важнее всего, а тебя отодвинули, поставили в угол лицом, чтоб не мешал и не подглядывал...

Любка изменяла мне, но делала все, чтобы я об этом не знал – хотя бы в этом берегла меня. И я был нужен ей, пока она не нашла своего банкира. А Жене я не был нужен совершенно, только разве для того, чтобы забрать ее из этого поганого логова. Я даже не мог упрекнуть ее в измене – о какой измене может идти речь? Мог только нести ее на руках и снова лечить, и снова ждать, когда она уйдет...

Женя немножко ожила, даже присела на кровати. Показала пальцем на свою правую ногу – колено распухло. Я потрогал его, она тихо вскрикнула от боли.

– Женя, у тебя есть какая-нибудь одежда?

– Не знаю. Нет, наверное. Эти все забрали.

Я снял халат и надел его на Женю. Застегнул на все пуговицы, коих после драки осталось две. Затем осторожно поднял девушку на руки и понес к выходу. Когда шел по прихожей, расталкивая ногами живописно валяющиеся тела, Женя вздрогнула и прижалась ко мне.

– Не бойся, – шепнул я. – Они сейчас смирные.

– Они не погонятся за нами?

– Ни за что, – заверил я.

Я промчался бегом вниз по лестнице, миновал подъезд. Слава богу, здесь был лишь электронный замок, а не консьержка, что ныне принято в престижных многоквартирных домах. Людей на улице было немного. Мужчину, выносящего на руках девушку в белом халате, не могли не заметить, но меня это мало заботило. Я сделал самое главное – нашел и забрал Женю.

Я не знал, кто эти четверо парней, как попала к ним Женя, и почему они так жестоко обошлись с ней. Но был уверен, что не увижу их больше никогда. Обращаться в милицию после того, что они сделали с бедной девочкой? Кому такое придет в голову? Подонки могли быть счастливы, что легко отделались.

Я пристроил Женечку на заднем сиденье, сел за руль и поехал, на этот раз не спеша, аккуратно, чтобы не растрясти несчастную избитую девушку. По пути заскочил в магазин, купил нелепый, но достаточно длинный сарафан, и заставил Женю одеть его. Она хотела ехать домой, и как можно быстрее, а я говорил, что нужно в больницу. Меня беспокоило ее колено: разрыв менисков, или, хуже того, перелом – дело серьезное. Тут даже на восстанавливаемость подлиз рассчитывать не приходится – срастется не так, и нога всю жизнь гнуться не будет.

Хорошо иметь в качестве заботливого опекуна врача высшей категории. Только Женя этого не ценила, или ценила не в должной мере. Она не хотела ехать в больницу, даже плакать начала. Говорила, что вздрюченные мною отморозки засекли меня, запомнили и поняли, откуда я, и немедленно бросятся в мою больницу. Я только качал головой: какие глупости, Женечка...

Я организовал все быстро – Женю положили на каталку и повезли к рентгенлаборанту. При этом она громко стучала зубами от страха – вспоминала недавнее пребывание в этой же больнице. Однако боялась зря – коленка ее была более или менее в порядке. Только ушиб, растяжение связок и отек мягких тканей – для подлизы сущая безделица.

И поэтому уже через сорок минут мы были дома. Женька лежала в ванной и отмокала, а я хлопотал на кухне, сооружая праздничный ужин. На душе у меня был совсем не праздник. Я вернул себе девочку Женю, и, значит, все проблемы, связанные с ней, вернулись, и осложнились из-за слов долговязого хлыща.

Проститутка... Боже, как мне не хотелось поднимать эту тему! Если бы Женя сказала за ужином: милый, прости, что я тебя так подставила, я больше никуда не уйду, и вообще люблю тебя, то я не стал бы лезть ей в душу и сделал вид, что все забыл. Но, конечно же, она так не сказала. Она не сказала даже «прости», снова принялась играть в молчанку.

Ну сами посудите, можно ли это назвать нормальным разговором? Тем более, разговором за праздничным ужином:

– Женя, рассказывай, что случилось.

– Да ничего...

Вы не упали с табуретки от этой фразы? Я чуть не упал. Ничего себе «ничего»!

– Так, дорогая! – произношу я свирепым тоном. – Имей ко мне хоть каплю уважения! Сперва ты уходишь из дома и пропадаешь, потом я вытаскиваю тебя из какого-то вертепа, снова лечу тебя, ношу тебя на руках, бегаю вокруг тебя и сдуваю пылинки. А ты относишься ко мне так, будто я что-то тебе должен...

– Ничего ты мне должен.

– То есть, ты ничего мне не скажешь? – говорю я, раскаляясь все сильнее и сильнее. – Обещала сказать, и не скажешь?

- Пока – нет.
- И когда же кончится это «пока»?
- Не знаю...
- Ну и свинья же ты, Женька!

Я поднимаю лицо к потолку, закрываю глаза руками, тру пальцами веки, и понимаю, как устал.

Мне хочется выгнать девчонку из дома, поставить в истории большую черную точку. Перечеркнуть неудавшийся роман, выкинуть Женю из головы и из сердца. Да, мне будет плохо, очень плохо, потому что я влюбился в нее по уши, и долго буду сам не свой. Но влюбленность – болезнь, а любая болезнь проходит, если ее правильно лечить. Или почти любая... Я снова стану встречаться со своими подружками, буду заниматься сексом каждый день, ходить в кино буду, и в ресторан, и даже напьюсь обязательно, и не раз напьюсь, а может, поеду куда-нибудь в Испанию, на Коста-Бланко, под ласковое средиземноморское солнышко, а то и на Сейшелы махну с самой лучшей из подружек. Продам помпезный компьютер, подаренный Женей, совершенно мне не нужный, и денег хватит на все, что угодно...

А еще я знаю, что не выгоню Женю ни за что. Впрочем, этого и не требуется, она уйдет сама, и у меня нет способа удержать ее.

– Ты неблагодарная свинья, – зло говорю я. – Ты привыкла использовать людей! Не думаю, что я – первый дурак в твоей жизни. Таких, как я, дураков, в твоей жизни было много, и будет еще больше. Тебе все дается легко. Ты относишься людям так же пренебрежительно, как ко мне, считаешь себя высшим существом. Мне очень хочется что-то для тебя сделать, но не думаю, что это возможно, потому что я бьюсь в тебя, как лбом в бетонную стену, и не вижу ни малейшей отдачи. Похоже, я не гожусь тебе даже в слуги.

Она молчит.

А потом я встаю и ухожу. Иду в свою комнату – страдать и мучиться.

Глава 7

Я лежал на кровати и пытался читать книгу. Потом в коридоре раздался крик и что-то тяжело упало, я немедленно вскочил и бросился на помощь. Женька лежала на полу, корчилась от боли и держалась за ногу. Бедная девочка, я оставил ее на кухне, не заботясь о том, что она не может ходить. И все же встала, пошла в комнату... не дошла совсем немного.

Я поднял ее, внес в комнату, опустил на разложенный диван. Какая же она тоненькая, легкая как пушинка. Подложил ей под голову подушку, осторожно провел пальцами по забинтованной коленке.

– Больно?

– Больно. – Женья скорчила несчастную рожицу. – Не переживай, Дим, все пройдет. Скоро пройдет...

– Почему ты не позвала меня?

– Не хотела мешать.

– Ты мне не мешаешь.

– Неправда, я тебе мешаю, жить не даю. – Она накрыла мою руку длинными своими пальчиками. – Не обижайся на меня, Дим, пожалуйста. Я скоро уйду. Вот поправлюсь, и сразу уйду.

– Я не хочу, чтобы ты уходила! – произнес я сдавленно, губы мои задрожали. – Совсем не хочу! Готов отдать все на свете, чтобы ты не уходила. Я люблю тебя, Женька! Я не могу без тебя! Неужели ты этого не видишь?

– Вижу, – шепнула она почти беззвучно. – Все я вижу.

Я опустил ее на колени, прижался лицом к ее животу. Под махровым халатом не было ничего, только теплое тело, вздрогнувшее при прикосновении и заметно от меня отстранившееся. Через халат я поцеловал ее плоский упругий живот и уловил, как сильно бьется ее сердце. Я закрыл глаза, не в силах произнести ни слова. Лучше бы она не вернулась – ей-богу, мне было бы легче. Я изнемогал от любви, душа моя болела мучительно и остро, словно обмотанная колючей проволокой.

Она погладила меня по голове.

– Дим, мне так неудобно.

Ну да, кто бы сомневался... Со мной ей всегда неудобно.

Я встал, собираясь выйти вон, но она схватила меня за руку.

– Ты не понял меня, Дим. Ложись сюда.

Я лег рядом с ней – осторожно, стараясь не дотрагиваться до больной ножки. На лицо Жени страшно было смотреть – сплошные кровоподтеки. Однако губы ее уже пришли в нормальное состояние – я ощутил это, когда она начала целовать меня. Не поцеловала, а именно начала целовать – долго, нежно, обхватив руками за шею...

Я не знал, что из этого последует, мне даже не сразу стало легче. Просто мы целовались взад-вперед, а потом она лизала мои щеки и нос мокрым язычком, словно кошка, и я тоже облизывал ее, и голова кружилась, словно я падал во сне с десятого этажа. А затем я, словно ненароком, скользнул пальцами под ее халат и дотронулся до груди. Женья подалась вперед, и грудка уютно легла в мою ладонь.

Трудно описать, что я при этом почувствовал. Я держал в объятиях десятки девчонок, и с ними все происходило куда проще, безо всяких проблем. Но ощущения от них были совсем не те, даже не сравнить. От Жени било электрическим током. Пальцы мои двигались медленно, не спеша, потому что нельзя было спешить – каждая новая секунда приносила такое наслаждение, что хотелось кричать.

Она сама развязала пояс на халате, медленно высвободилась из рукавов. Я, все еще не веря, что мне дозволено, что богиня снизошла до меня, стащил с себя шорты и трусы одной рукой, извиваясь как угорь, не в силах оторвать другую руку от нежной кожи моей любимой.

– Подожди, – шепнула она, дотронувшись губами до моего уха. – Я не могу на спине, так больно. Подожди...

Она легла на бочок, повозилась немного, устраиваясь поудобнее. Я прикоснулся животом к ее гладкой спине, обнял сверху рукой. Ее попка упруго прижалась ко мне, и я, задыхаясь, почти теряя сознание, почувствовал, что сейчас взорвусь.

– Уже можно? – прошептал я.

– Ага...

А потом мы заснули – одновременно, в обнимку. Проснулся я ночью, от того, что проснулась она. Я сводил ее в туалет пописать, а потом мы еще раз совершили невероятное действие, священный обряд, который нельзя даже было назвать сексом, потому что обычный секс по сравнению с этим чудом казался бесчувственным и примитивным.

И ведь ничего, в сущности, не было особенного – простенькая поза, которую нельзя переменить, и осторожные движения, потому что по-другому не получалось – мешали больная ножка и ушибленные ребрышки. Чудо было в другом – в том, что рядом со мной была девушка, которую я любил так, как не любил никого никогда в своей жизни. Еще совсем недавно у меня не было ни малейшей надежды на счастье. И вот вдруг... Мой бедный язык не дает мне описать то, что я тогда пережил.

Настало утро. Я не стал будить Женю, тихо собрался и уполз на работу. Мне отчаянно хотелось позвонить шефу, сказать, что я плохо себя чувствую и беру больничный. Но долг есть долг, операции назначены, люди ждут, что я принесу им избавление. И, хотя заменить меня можно, все равно несколько операций неизбежно будут отложены. Так не пойдет.

В душе моей бушевал настоящий ураган – точнее, два смерча разных оттенков, крутящихся в противоположных направлениях. Первый – радостный, счастливый, переливающийся всеми цветами радуги. Второй – чернейший, мрачный, наполненный самыми тягостными подзвонами. Почему Женя разрешила мне любить себя? И разрешила ли? Может быть, просто откупились самым простым способом? А почему бы и нет, чего ей стоило, если она действительно проститутка, и для нее это действие привычно и обыденно? На тебе, мальчик, побалуйся, успокойся и не плачь. А потом она все равно уйдет... Может быть, уйдет даже сегодня, пока я на работе...

Я даже хоел не оставлять Жене ключей от квартиры – пусть сидит дома. Но решил, что она может обидеться... и вообще, пока она не сказала ни слова о том, как ко мне относится, и рано мне предъявлять претензии. Кончилось тем, что я оставил ключи на обычном месте и ушел на работу в угрюмом настроении.

Днем, в перерывах между операциями, я не выдержал и позвонил домой. Зачем? Знал же, что она не подойдет к трубке. Само собой, не подошла. А может, ее уже нет дома, она уже покинула меня? Весь день я терзался душевными муками, отпросился на час пораньше и рванул домой, будучи уверен, что больше никогда не увижу милую мою Женечку.

Увидел. Женя была дома, и даже приковыляла в прихожую, чтобы встретить меня, и даже улыбнулась мне, и обняла меня, и поцеловала. Вот оно, счастье...

Она выздоравливала очень быстро – уже всю бродила по квартире, прихрамывая, как подбитый журавленок. А я повсюду таскался за ней, не мог оторваться. А потом сидел рядом с Женей, смотрел, как она работает на компьютере – на этот раз мне было позволено подсматривать, и ничего интересного там не оказалось – биржевые и финансовые дела, ничего я в этом

не понимаю. Мне мучительно хотелось затащить ее в постель, но я никак не решался об этом сказать, болтал о чем-то несущественном, нес всякую чепуху и отвлекал Женьку от работы. В конце концов она оторвалась, повернулась ко мне и сказала:

– Ты просто дымишься.

– Ты о чем? – уточнил я.

– Хочешь меня трахнуть, – произнесла она незатейливо. – Просто сгораешь от желания.

– Откуда ты знаешь?

– Так... – Она помахала рукой перед носом. – Чувствую.

– Нечего тут чувствовать, – заявил я, почему-то изрядно порозовев. – Женечка, милая моя, я хочу тебя всегда, в любое время. Хотел с самой первой минуты, как только увидел.

– Так почему же не скажешь?

– А что, можно?

– Глупый вопрос. Конечно, можно.

– Но ведь раньше было нельзя...

– Кое-что переменялось.

– Что?

Я затаил дыхание. В глубине души я надеялся, что она скажет «Я люблю тебя, Дим», и тогда все встанет на свои места, и можно будет больше ничего не бояться, а просто потерять голову и свалиться в яму без дна, называющуюся любовью.

– Я привыкла к тебе, Дима, – сказала она, улыбаясь ровно и спокойно. – Ты хороший, заботливый. Ты мне нравишься.

И все?

Я был бы последним болваном, если бы начал давить на нее и выпрашивать ответное признание в любви. Для меня ее слов было более чем достаточно. Это я был влюблен, и, следовательно, болен, а она – нет. Да и вообще почему она, красивая юная лапочка, должна влюбиться в почти сорокалетнего лысеющего мужика? Я ей нравлюсь! Боже, какое счастье!!!

Я встал, подошел к Жене, наклонился, обнял ее сзади и поцеловал в макушку. И шепнул:

– Я тебя хочу. Сейчас.

– Иди в ванную.

Женя была маниакально чистоплотной. Даже маниакальнее, чем я. И я ничего не имел против.

Мы славно потрудились, и каждый раз (а разов, замечу, было несколько), я просто улетаю – крышу от Женьки сносило напрочь. А потом мы лежали в постели, ничем не прикрытые, и смотрели в потолок. Все было замечательно. Но голова моя устроена неправильно – в самый счастливый момент в нее лезут гадкие мысли.

– Жень, ты от меня не уйдешь? – спросил я.

– Пока – нет.

– Что значит «пока»?

– Мне хорошо с тобой, Дим, но я не знаю, что будет дальше. Это зависит не от меня.

– А от кого?

– Извини, не могу сказать.

Опять двадцать пять. Ну что с ней сделать, чтобы разговорить, пытать каленым железом?

– Все в наших руках, – заявил я, – моих и твоих. Мы свободные люди, и в силах устроить свою судьбу так, как нам нужно. Только нужно быть откровенными друг с другом.

– Это ты свободен, а я нет.

– Почему ты не свободна?

– Ты сам знаешь.

– Потому что ты подлиза? – чуть не крикнул я. – Да?

– Да.

Вот так-то. Блаженное мое настроение улетучилось, я вскочил с кровати и нервно зашагал по комнате, не думая о своей наготе.

– Женя, пойми, что нельзя убегать от жизни! Я в курсе, что у тебя куча проблем, что на тебя кто-то там охотится, что ты вечно попадаешь во всякие передряги. И в то же время не знаю про тебя почти ничего! Я, смею заметить, человек со связями, в УВД у меня полно знакомых, в том числе на самом верху. Все твои проблемы можно решить! Я даже с мэром знаком, между прочим!

При слове «УВД» Женино лицо сморщилось в гримасе отвращения. При слове «мэр», как ни странно, тоже, еще раз.

– Не вздумай обращаться в милицию, – тихо произнесла она, оглянувшись, словно кто-то мог нас подслушивать. – Сунешься туда – считай, что убил меня своими руками.

– А куда соваться? – гаркнул я. – То, что сейчас происходит, меня совершенно не устраивает! Может быть, это устраивает тебя? Может, на самом деле все нормально, и я зря беспокоюсь?

– Нет, все ненормально. Ты даже не знаешь, насколько.

– Да я вообще ничего не знаю! Хоть кто-то тебе может помочь?

– Да. Другие подлизы.

– Так почему они не помогают?

– А сейчас и не нужно помогать, – заявила она, садясь на кровать. – Сейчас я с тобой, милый, и мне ничего не угрожает. Правда, Дим...

Назвала меня милым, и, как мне показалось, довольно искренне.

– Другие подлизы знают, что ты живешь у меня?

– Да, конечно. Ты не против этого?

– Нет, нисколько.

– Мы, подлизы, всегда все знаем друг о друге, – в голосе ее прозвучала такая любовь к неведомым мне подлизам, что я поневоле заревновал.

– Почему же подлизы не вытащили тебя из той берлоги? До этого ты жила у меня неделю, и тебе тоже ничего не угрожало. Почему ты ушла из дома? И вообще, что это за компания, из которой я тебя вытащил? Ты обещала рассказать, но бессовестно меня обманула!

– Дим, я не собиралась уходить! Мне хорошо с тобой... – Женя поднялась на ноги так порывисто, словно колено ее полностью выздоровело. Шагнула ко мне, обхватила тонкими руками, прижалась всем телом. – Мне всегда было хорошо с тобой, спасибо тебе, милый. Извини, что так долго к тебе привыкала, я не могу сразу... Прости...

Она уткнулась лицом мне в плечо, я гладил ее по голове. Минута прошла в сладком молчании. Я с трудом сдерживался от того, чтобы не повалить ее снова в постель.

– Ты вправду не собиралась уходить?

– Нет, нет. Просто нужно было появиться на работе, хоть на пять минуточек. Это с деньгами связано. Я пришла, а там сидит этот белобрысый боров, Гека. Как нарочно! Уже год его не видела, а тут на тебе... Сразу начал помогать. Я его послала, само собой. Он ушел, я думала, что отстал. А они меня на улице подловили, запихнули в машину, и влили в меня стакан водки – сразу же, насильно. Я пыталась выплюнуть, и они меня избили. Сильно избили. А когда я выпью, то уже не могу...

Бедный мой журавленок! Мало я отделал тех жлобов, надо было руки им переломать за то, что с Женькой сделали.

– Чего ты не можешь, когда выпьешь?

– Так, ничего...

- Давай, рассказывай до конца!
- Когда я выпью, то не могу контролировать ситуацию, – произнесла она, четко выговаривая каждое слово. – Подлизам нельзя употреблять алкоголь, вообще нельзя. Никогда!
- И что же бывает с подлизами, когда они выпьют водки?
- Ты этого не поймешь.
- Почему?
- Потому что не чуешь запахов.
- Это как-то связано с запахами?
- В общем, да, – неохотно призналась она. – Давай не будем об этом, и так слишком много тебе сказала.
- Ну, я бы не сказал, что много. Очередная великая тайна?
- Да.
- Где ты работаешь? Это тоже тайна?
- В одном месте... – Она неопределенно помахала рукой. – Какая разница, где? Я там больше не работаю.
- Нет, на самом деле, где?
- Ну, в одной конторе... Дим, это на самом деле неинтересно.
- Очень даже интересно. Контора, значит? – Я набрался решимости, словно в ледяную воду прыгнул. – Знаешь, что мне сказал один из этих парней, тот долговязый пижон?
- Что он сказал? – голос Жени дрогнул.
- Что ты... В общем, девочка по вызову. Причем высокого класса.
- Женя вырвалась из моих рук.
- Я не проститутка! – крикнула она, стукнув меня кулачками в грудь. – Я не проститутка, кто бы тебе чего не говорил! Не верь им! Понял?!
- В ее голосе было искреннее возмущение, но не только... Я задел болезную тему, и скрыть это Женя не могла, и значит, в словах долговязого могла быть доля правды.
- Могла быть или была?
- Женя накинула халат и встала у окна. Расстроил я ее, но что поделаешь, нужно все-таки было докопаться до истины. Поэтому я натянул трусы – для приличия, – и продолжил допрос.
- Женя, солнышко, не обижайся. Я всего лишь хочу помочь тебе.
- Я не обижаюсь, – промямлила она весьма неубедительно. В глазах ее стояли слезы.
- Нет, на самом деле, откуда у тебя такие деньги?
- Деньги – не проблема...
- Я уже слышал это от тебя! Где ты столько зарабатываешь?
- Я менеджер по сбыту! – крикнула она. – Устраивает тебя такое? Хороший грамотный менеджер!
- Менеджер по сбыту? – усмехнулся я. – Забавное словечко, даже не знаю толком, что это значит. Может, объяснишь мне, неучу?
- Ты, доктор Айболит... Ты вообще знаешь, что такое бизнес? Менеджер по сбыту – человек, который продает товары. Для него важно не только разбираться в финансовых вопросах, но и умение работать с людьми.
- Лучше бы не объясняла. Я сразу помрачнел. Слово «бизнес» связано в моем представлении с бандюками и жуликами. Хотя... никаких менеджеров по сбыту в бандитских структурах не было и в помине.
- Если ты классный специалист, то почему так легко бросила работу? Карьеру не жалко ломать?
- Жалко, – Женя печально вздохнула. – Все неплохо складывалось, три года я там работала. Но жизнь дороже...
- Ты уволилась?

– Да, в тот день, когда меня зацапали эти свиньи... Но, в принципе, ничего страшного – найти хорошую работу не проблема. Похоже, уже нашла, – она показала на компьютер. – Можно зарабатывать неплохие деньги, не выходя из дома.

– Послушать, так для тебя все не проблема! Непонятно только, почему тебя регулярно избивают до полусмерти.

– Потому что фрагранты тоже люди, и тоже ошибаются, – буркнула она, опустив глаза.

И, хромая, вышла из комнаты.

Разговор, стало быть, закончился. Я узнал о Жене кое-что новое, хотя трудно было сказать, насколько можно было этому верить. Самым интересным словечком оказалось «фрагранты». Похоже, моя любительница конспирации снова проговорила.

Теперь, по прошествии времени, я знаю, что проговаривалась Женя специально. Она выкладывала мне зацепки и информацию малыми порциями, но регулярно. Она не имела права выдавать секреты подлиз, отчаянно боялась делать это, и все же делала – правда, довольно своеобразно. Надеялась, что я догадаюсь сам, перекладывала ответственность на меня. Мол, ничего я ему не сказала, он собственной головой допетрил.

Мозгами приходилось шевелить отчаянно. Впрочем, я находил в этом некоторое удовольствие. В детстве я мечтал стать следователем, и определенные способности к дедукции у меня имелись.

Для начала я вспомнил телепередачу – ту, в которой впервые увидел Женю. Там она действительно была кем-то вроде секретарши: в костюмчике, в свете софитов, вся такая деловая. И даже – я вдруг вспомнил – в очках! Не темных, обычных. Поскольку зрение у Женки было стопроцентным (стопроцентным у нее было все, что относилось к здоровью), значит, она носила на работе очки без диоптрий. Ничего странного, просто проявление делового стиля. Евгения выглядит слишком юной, намного моложе своего настоящего возраста, и ей поневоле приходится прикладывать усилия, чтобы выглядеть старше. Понятненько, вполне укладывается в версию того, что она – бизнес-леди.

Далее я занялся анализом слова «фрагранты», зашел в Интернет и начал поиск. И тут же выяснил, что сие словечко имеет отношение скорее к животным, чем к людям. Еще точнее – к муравьям, пчелам и прочим общественным насекомым. Фрагрант – особь, которая пахнет, от латинского слова «благоуханный». Более того, пахнет эта особь не просто так, от нечего делать или от избытка насекомых чувств, а целенаправленно – выделяет особые вещества, которые несут определенную информацию. И называются такие вещества феромонами.

О феромонах я слышал краем уха, но специально не интересовался. Теперь занялся их изучением. По феромонам насекомых информации нашлось море – оказывается, это особый язык, при помощи которого общаются муравьи, пчелы, термиты и прочие насекомые. А вот по феромонам людей... Тут все забивала назойливая реклама. Большая часть ссылок рекламировала «Духи с феромонами». Гарантировалось, что как вы только помажетесь этим чудодейственным парфюмом, представители противоположного пола будут слетаться на вас стаями, как бабочки ночью на фонарь. Обещалось, что все ваши проблемы с сексуальной привлекательностью немедленно исчезнут. Только успевай, значит, заниматься сексом и не забывай, дружок, о безопасности.

Я отнесся к этим духам с немалым скепсисом. Во-первых, если существуют такая парфюмерия, то почему у людей остаются проблемы с сексуальной привлекательностью? Во-вторых, в некоторых статьях, похожих на научные, утверждалось, что наличие феромонов у людей не доказано. В третьих, удалось выяснить, что основа загадочной добавки в духи – пот из подмышек. Фу! Вот вам и феромоны! Ни за что не стал бы использовать такую гадость.

«Фрагранты тоже люди», – сказала Женя. Теперь, зная суть, я бы перефразировал это несколько по-другому: «Люди тоже могут быть фрагрантами». Интересно, правда? Причем

слово фрагрант Женя применила к самой себе. И я имел основания полагать, что фрагранты и подлизы – одно и то же.

Стало быть, они не только люди-собаки, но и люди-муравьи. Многообещающее сочетание...

Одно лишь слово объяснило мне многое. Пожалуй, даже слишком многое – скажете вы. Но ничего особенного здесь нет: подлизы берегут свои секреты так тщательно именно потому, что раскусить их при наличии определенной информации совсем несложно.

Итак, логично предположить, что люди-фрагранты не только особо чувствительны к запахам, но и сами могут выделять какие-то особые вещества... ну да, буду называть их феромонами, незачем заниматься изобретением новых терминов. Для производителей духов феромон – всего лишь примитивный сексуальный аромат, но если вернуться к насекомым, то информационный смысл, который несут феромоны, может быть самым различным. И человек, который может выделять запахи по своему желанию, получает инструмент воздействия на окружающих. Легче легкого понравиться любому настолько, что он станет податливым и с радостью выполнит твоё желание.

Вот, значит, как подлизы подлизываются... «Ты не поймешь, потому что не чуешь запахов», – не раз говорила мне Женя. Я обижался, думал, что она закрывается, а она давала мне очевидную подсказку.

Нелегко ей было со мной, оказывается. Она привыкла иметь дело с людьми, чувствительными к запахам, а я оказался не таким. Что ж, тем больше вероятности, что она верит в искренность моих чувств – ведь я полюбил ее безо всяких феромонов. Просто полюбил.

Наступила глубокая ночь, я просидел за подаренным мне компьютером больше шести часов. Женя постоянно заходила в комнату и стояла у меня за спиной. Сперва деликатно намекнула, что ей нужно работать, затем пыталась утащить меня от компа в постель, но не преуспела, затем затеяла небольшой скандал – мол, почему бы мне не пойти за свой компьютер, мне все равно на чем работать, а ей нужна нормальная машина. Скандал не получился, я не поддался на провокацию. Женя была не очень темпераментным, тихим и малоразговорчивым человеком, явным умением скандалить не обладала. И теперь я знал, почему. Зачем скандалить, если можно обаять любого человека нужным ароматом?

Любого, только не меня.

Весь вечер она ясно видела, какую информацию я изучаю. Я ничего не скрывал, слова «фрагрант», «феромоны», «аттрактант» и прочие висели на экране. Она все прекрасно понимала, но не обмолвилась на этот счет ни единым словом. А я не задавал новых вопросов. Мы как бы заключили временный договор о молчании, и условием его было то, что я докопаюсь до всего сам.

В час ночи Женька посетила меня в последний раз, поцеловала в ухо и пошла спать. А я ползал по сети еще часа два. А потом решил не будить девочку домогательствами, залег на диване в одиночку, но так и не смог заснуть почти до утра. Донимали меня разные мысли – например, о карьере подлиз. Точнее, об их личной эволюции.

Почему Женя так нервно, неадекватно реагирует на слово «проститутка»? Может быть, она все же когда-то была таковой? Представим девушку без особых средств к существованию, которая обнаружила у себя способность в считанные минуты свести с ума любого мужика. Воспользуется ли она ей? Предположим, воспользовалась. Есть ли ей в этом случае смысл стоять на панели или идти в притон? Ни малейшего смысла: она и так может взять лучшее, соблазнить какого-нибудь по-настоящему богатого мужичку и получить за один раз денег столько, сколько и не слилось обычным шлюхам. А не проще ли при таких талантах очаровать до потери сознания какого-нибудь олигарха, выйти за него замуж и всю жизнь кататься как сыр в масле? Может, и проще, но вряд ли это подходит для Жени – она болезненно свободолюбива. Итак,

какой вариант у нас получается? Проститутка высокого класса: она занимается «работой» не слишком часто, но если уж занимается, то за большие деньги...

«Классная шлюха, суперская, я в жизни таких не видел...» – слова побитого мною долгового типа. Да уж, класснее не бывает...

Такие грустные размышления происходили в моей голове. Представив себя на месте фрагранта, я понял, что продажа тела – самый примитивный способ зарабатывания денег, первая ступенька в накоплении капитала. Правда, для того, чтобы шагнуть на следующую ступень, нужно научиться работать с запахами более тонко. Если, к примеру, ты хочешь убедить делового партнера купить крупную партию товара на выгодных тебе условиях, не стоит грубо давить на него запахом, вызывающим эрекцию и желание по-спринтерски домчаться до постели. Тем более, что партнер может оказаться одного с тобой пола (а большинство бизнесменов, замечу, мужики нормальной ориентации).

А феромоны – скажем, у насекомых, – бывают самые разные, какие угодно, на все случаи жизни. Релизеры, летающие в воздухе, и праймеры, передающиеся контактным путем. Аттрактанты, призывающие других особей, репелленты – отпугивающие, аррестанты – останавливающие, стимулянты – вызывающие активность (например, феромоны тревоги), детерренты – тормозящие реакцию. Афродизиаки вызывают половое возбуждение. Агрегационные феромоны стимулируют скопление насекомых, следовые феромоны предназначены для разметки территории и направляют движение особей.

Если у людей-фрагрантов существует подобное разнообразие, то им можно жить припеваючи. И если подлизы могут контролировать выделение феромонов, то логично предположить, что они совершенствуют свое искусство и проходят определенную личную эволюцию. В этом случае подняться от проститутки до высокооплачиваемого менеджера – далеко не предел, можно шагнуть куда выше. На самый, скажем так, Олимп.

Оставалось непонятным одно, самое главное: почему на подлиз охотятся и убивают? Что плохого они сделали тем, кто называет себя «чистильщиками»? Понятно, что сам факт существования фрагрантов неприятен для многих: подлизы встали выше обычных людей, получили инструмент нечестной конкуренции, позволяющий им обходить на вираже всех прочих. Но убивать-то зачем?

Это мне и предстояло выяснить.

Глава 8

Не выспался я основательно, и с некоторым ужасом думал о том, как буду оперировать. Но мне повезло – вставать к операционному столу в этот день не пришлось вообще, вместо этого я два часа красовался перед видеокамерами.

В нашу больницу собрался нагрять мэр, и главврач с самого утра вызвал меня к себе. Знал Серафимыч, что я лучшая кандидатура для того, чтобы представить лицо больницы. И не потому что красавчик я, физиономия у меня самая обычная, просто язык мой подвешен что надо.

А с мэром я и вправду был знаком, правда шапочно. Пожал ему руку, когда ходил в мэрию решать какой-то медицинский вопрос вместе с Серафимычем, в качестве моральной поддержки. Было это год назад. Наш мэр любит жать руки и мощно, во все зубы, улыбаться. Вряд ли он меня запомнил.

– В половине десятого приедет Николай Петрович Житник, – говорит главный. – Приедет обстоятельно, с телевидением. Обойдет всю больницу. Ты знаешь, Дима, что я перед камерами себя неловко чувствую, а ты у нас в этом деле хват. Назначаю тебя ответственным, и от операций на сегодня освобождаю.

Вот те раз... Я, значит, невыспавшийся, физиономия у меня помятая и основательно перекошенная, а тут мэр и телевидение. Ладно, придумаем что-нибудь, приведем себя в порядок, на это есть целый час.

– Как вы заманили его к нам, Василий Серафимович? – спрашиваю. – Больница у нас небольшая, что ему тут делать?

– Сам не догадываешься? Сейчас идет предвыборная компания, самый разгар. Через полтора месяца выборы мэра, вот Житник и работает усердно, посещает различные учреждения. Для нас это хорошо, кстати. Ты когда заявку на лапароскопическое оборудование подавал?

– Да уж больше чем полгода прошло.

– И как?

– Дохлый номер, никакого движения. В гордепартаменте говорят: денег нету и не будет. Сами, говорят, зарабатывайте.

– Вот и попробуем подтолкнуть этот вопрос, – Серафимыч смотрит на меня с хитрым ленинским прищуром. – Самое время – в предвыборных компаниях решаются многие проблемы.

– Так вы будете решать или я?

– Решать, само собой, буду я. А твое дело – преподнести товар лицом. То есть не столько себя, сколько мэра. Как это сейчас называется – шоу? Если Житнику сегодняшний визит понравится, то думаю, заявочку твою мы реализуем.

– Отлично! – говорю. – Все сделаем в лучшем виде.

Побегать мне, как ответственному, пришлось изрядно, сонливость как рукой сняло. Сперва прибыли три типа из службы безопасности мэрии, мы облазили подвалы и черные ходы. Все время они были недовольны и что-то бурчали, переговаривались между собой вполголоса, а меня раз за разом спрашивали, нельзя ли прекратить на сегодня прием больных. Я отвечал, что нельзя. Потом к центральному входу прибыли черный джип и «Волга», из них выгрузилось несколько сосредоточенных людей, их расставили в нужных местах. Затем приехали четыре микроавтобуса ведущих телекомпаний города, исторгли из чрев своих толпу репортеров, лица

которых я до сих пор наблюдал только по телевизору. Телевизионщики галдели, сустились, бегали туда и сюда с камерами, софитами и треножниками, и не обращали на охрану ни малейшего внимания. И наконец, с опозданием на полчаса, прибыл эскорт иномарок, в том числе «Мерседес» мэра.

Я и в самом деле не знал, что мэр ведет избирательную компанию. Как-то мало я интересовался политикой, особенно местной – во-первых, некогда, а во-вторых, неинтересно. Но охранные меры главы города меня удивили. Все это показалось мне лишним и слишком дорогостоящим. Можно подумать, что на нашего Житника каждый день устраивается покушение. Интересно, сколько стоит содержать кучу ничего не делающих мордovorотов-секьюрити?

Николай Петрович Житник вылез из «Мерседеса» с довольно громким кряхтением. В самом деле, закричишь, если в тебе под два метра роста и весу не меньше ста пятидесяти. Отлично сшитый, идеально подогнанный костюм маскировал недостатки фигуры Житника, насколько их вообще можно было замаскировать. Я бы не стал голосовать за Житника, увидь его в первый раз. Мэр с таким пузом, со щеками гигантского хомяка, с астматической одышкой... Неправильно как-то. Может быть, он опытный хозяйственник, талантливый менеджер, прекрасный человек, но глава города должен быть еще и здоровым – мне, как доктору, вот так кажется. А перед нами носитель как минимум двух диагнозов: ожирение третьей степени и сердечная патология. Ладно, не мне, мелкой пташке, судить.

В общем, выполз наш мэр из машины, и немедленно приступил к рукопожатиям, сопровождаемым белозубой керамической улыбкой. И мне досталось, причем в числе первых. Моя не самая маленькая рука утонула в огромной лапище Николая Петровича словно ручка ребенка. Корпулентный такой мужчина.

Значит, дальше: Серафимыч ведет мэра по главному вестибюлю, говорит что-то, обводит вокруг рукою, а я мелко семеню по леву сторону. Ничего, само собой, не соображаю, да и не хочу соображать. Леню мне соображать, всю ночь мозгами проработал, устал. Надеюсь на вдохновение и автопилот. Вокруг нас быстрым шагом идут люди в черном, напряженно зыркают, крутят головами в ожидании потенциального нападения. Нападения, естественно, нет – откуда ему взяться в нашей больничке?

Потом до меня доходит, что главный предлагает мэру посидеть в его кабинете и попить чайку. Ну дает! С чем чайку, с сушками, как сам пьет? Впрочем, Житник реагирует на это на удивление адекватно, останавливается и говорит:

– Василий Серафимович, на какое время у нас назначена встреча с коллективом больницы?

– На половину одиннадцатого, Николай Петрович.

– Ага... – Житник смотрит на часы. – Значит, почти через час. Давайте не будем отвлекаться на чай, вы не против? Я думаю, нам нужно пройти по больнице, посмотреть, что у вас хорошего, а что, так сказать, плохого. Вы расскажете мне о ваших проблемах (явный упор на слове «мне»), и мы вместе подумаем, что можно сделать. А уважаемые товарищи с телевидения все это заснимут.

– Замечательно, Николай Петрович, – кивает головой Серафимыч. – Так и сделаем. Что бы вы хотели посмотреть?

– А что покажете, то и посмотрю, – мэр снова разражается высококачественной улыбкой.

– Тогда в хирургию. Начнем, как говорится, с приятного...

И Серафимыч увлекает Житника в мое отделение.

Летом я исполняю обязанности заведующего отделением, так как сам заведующий в отпуске.

Отделение наше лучшее в больнице, во всяком случае, самое красивое, отремонтированное по евростандарту. Ремонт произведен благодаря заведующему – Кириллу Фомичу Лаптеву, он у нас выдающийся специалист по работе с пациентами. Хирург, может, и не самый лучший, но вот администратор – будь здоров, умеет уговаривать обеспеченных пациентов оказать спонсорскую помощь больнице. И поэтому: подвесной потолок, светло-зеленые матовые стены, хорошая плитка на полу, пластиковые окна, кондиционеры. К сожалению, красота в коридоре – еще не все необходимое, и стоит это не так уж и дорого. А то, что действительно необходимо нам, хирургам, не по карману даже богатеньким клиентам. Я имею в виду лапароскопическое оборудование, мы давно о нем мечтаем.

Во всем мире давно так оперируют: вместо уродливого шрама на полживота – две-три аккуратных дырочки. И пациент встает на ноги на следующий день, а не через неделю-другую, и осложнений на порядок меньше. Но увы, самый дешевый комплект для лапароскопической операционной стоит миллионы рублей, и нам не по карману. Есть, конечно, государство со своими целевыми программами, периодически оно покупает всякие нужные и дорогие вещи, но достаются они всегда не нам, а большим больницам.

Надо работать, говорю я себе. Вот он мэр, перед тобой, бери его тепленьким, если сможешь. Выложись на всю катушку, дело того стоит...

Мы стоим перед открытыми дверями в операционную. Телевизионщики устанавливают камеры и освещение, Серафимыч говорит с Житником, сыплет специфическими медицинскими терминами. Нет, так нельзя, проще надо быть, понятнее.

– А вот, кстати, наш ведущий хирург, наша гордость, – говорит главный, и показывает на меня, – Дмитрий Андреевич Бешенцев, золотые, можно сказать, руки. Был на симпозиумах в Германии и Голландии. Лучшие больницы его переманивают к себе, а он не уходит, работает здесь.

Мэр поворачивается ко мне, смотрит на меня тепло и добро, словно я его лучший друг, и спрашивает:

– А почему не уходите, кстати? Там ведь лучше!

– Из чувства патриотизма, – говорю.

Не рассказывать же ему, что я несколько лет работал на бандитов, а когда ушел от них, пытался устроиться в престижные клиники, но везде уже знали о моей специфической работе и подпорченной репутации. Везде дали от ворот поворот, либо предложили такие условия, что пробиваться до приличного положения предстояло лет пять. И только в родной больнице приняли с распростертыми объятиями, потому что знали, чего я стою как хирург. Серафимыч открыл мне путь и дал зеленый свет. Нужно сказать, что я несколько не обманул его ожиданий. И к тому времени, кстати, у меня было несколько хороших предложений, в том числе одно из Москвы, из института Блохина (ой, денежное место, скажу я вам!), но я отчаянно не хотел уходить из своей больницы.

Не то что я категорический антикарьерист, но вот не обычный карьерист – точно. Карьера, которой я хотел бы достигнуть, связана не с деньгами и высоким общественным положением, а с моральными принципами и внутренним удовлетворением. В нашей стране это вычурно, идеально и труднодостижимо. Впрочем, я и не спешу, впереди вся жизнь.

Вот я и говорю мэру:

– Я так думаю, Николай Петрович, что работать нужно уметь на любом месте. Уметь работать честно и доброту – так, как трудились наши деды и отцы – земские, а потом советские врачи. Не хныкать и перепархивать с места на место, а выстраивать благоприятную среду вокруг себя. Легко сваливать все неурядицы на обстоятельства, но обстоятельства будут всегда, и это не причина, чтобы бездействовать и ждать, когда на тебя свалится манна небесная. Мы делаем все, что можем, чтобы улучшить качество медицинской помощи населению именно здесь, в нашей больнице. Вот смотрите, Николай Петрович. Прошу...

Я веду мэра в операционную. Сейчас она пуста, но наши красивые медсестрички накидывают на Житника халат, помогают одеть бахилы и шапочку. Режим стерильности, этаким спектакль: смотрите насколько глубоко наш глава города вникает в проблемы здравоохранения. Показываю ему все наше относительно новое – оборудование, лазерный скальпель и прочую ерунду (каменный век, если признаться честно). Сообщаю, что у нас каждый год – по три изобретения и рацпредложения. Что мы являемся передовиками и каждый год увеличиваем количество и улучшаем качество. В общем, социализм, да и только.

– Ну ладно, это понятно, – говорит через некоторое время Житник. – А проблемы-то у вас есть?

– Еще какие проблемы, – говорю. – В условиях постоянного недофинансирования из городского бюджета мы никак не можем закупить аппаратуру для лапароскопических операций. Вы знаете, что это такое, Николай Петрович?

– Конечно, я в курсе, – говорит он. – Был на этой неделе в Первой больнице, и в Седьмой, имени Кукишева, там мне показывали.

– А вы знаете, Николай Петрович, что и в Первой, и в Седьмой имени Кукишева, и во всем городе практически не делают бесплатных лапароскопических операций? Хотя ФОМСом³ они предусмотрены.

– А как же они делают?

– Да за денешки! За одну операцию пациент платит от пяти до тридцати тысяч рублей. И это значит, что для большинства пенсионеров и ветеранов такие операции недоступны.

– А им нужны такие операции?

– Еще как нужны! У нас в городе только для ветеранов Великой отечественной войны очередь на бесплатную лапароскопию – на полгода. Половина из них до операции просто не доживает. Про остальных, непривилегированных пенсионеров – просто молчу! А ведь эти люди всю жизнь трудились на благо страны, имеют право на качественную медицинскую помощь, предоставленную им законом о здравоохранении. И возможность для исправления этой несправедливости есть!

Мэр неожиданно задумывается. Закатил глаза под лоб, водит ими туда-сюда в некоторой отключке, шевелит губами, словно пересчитывая возможные политические дивиденды. Пауза длится несколько минут, все молчат. В операционной совсем не жарко, не то, что на улице, кондиционер дует на всю катушку, но обильная испарина выступает на одутловатом лице Житника. Не думаю, что это покажут по телевизору.

Наконец он пробуждается, устремляет на меня мутноватые серые глаза и говорит:

– И какая же это возможность, Дмитрий Андреевич?

– В Бюджете ФОМСа предусмотрена соответствующая статья. Но она не реализуется, потому что нет больницы, которая возьмется исполнять эти дорогостоящие услуги за счет общего страхования. Вернее, такая больница есть, и это – мы. Мы подали заявку в городской департамент здравоохранения уже полгода назад. Там четко сказано, что если нам поставят комплекс для лапароскопии, мы обязуемся делать в течение как минимум пяти лет только бесплатные операции, и закрыть в этом отношении потребность для города. Это очень выгодное предложение для города, поверьте, Николай Петрович. Никто сейчас на такое не пойдет, а мы идем, потому что понимаем, что народу это нужно. И что же? Нашу заявку не рассматривают. Аппаратура покупается по целевым программам и раздается богатым больницам, у которых и так этого добра навалом. Не догадываетесь, почему? Чиновники-бюрократы ждут от нас, извиняюсь, отката. Ждут, пока мы договоримся с ними и заплатим им немалую сумму. Можно бы сделать и так, но мы не на это не пойдем. Именно потому не пойдем, что мы честные граждане своей страны...

³ ФОМС – фонд обязательного медицинского страхования.

– Стоп, стоп! – Житник машет лапищей репортерам. – Остановить съемку!

Ну все, думаю, допрыгался. Нарезал правду-матку, нашинковал ее, как капусту, накидал как попало, испортил все дело. И Серафимыча, дурак, подставил.

А мэр смотрит на меня с интересом, и совсем не сердито, и довольно качает головой, и говорит:

– Дельная мысль, Дмитрий Андреевич, очень даже дельная. Я постараюсь вам помочь. В смысле, вашей больницы с аппаратурой. Эта проблема непростая, – он щелкает пальцами в многозначительном жесте, – но вполне решаемая. Но только нужно преподнести это немножко по-другому. Не нужно говорить про откат. Кто вам сказал про откат? Нет в нашем городе никакого отката. И вообще, мы успешно боремся с бюрократией, у нас по этому один из лучших показателей по России. Понятно?

– Понял, – бодро отвечаю я. И чувствую себя как рыбак, подцепивший на удочку вместо мелкой плотвицы сазана килограммов на семь. Добыча знатная, только вот леска натянута до предела – сейчас порвется, и уйдет заветная рыбина в глубины речные – навсегда, безвозвратно.

– Значит так: сейчас к вам подойдет Мария Сергеевна, мой пресс-секретарь, она вас слегка подкорректирует. Я пока прогуляюсь по больнице с Василием Серафимовичем, обсудим кое-что. Через полчаса подойду, и мы переснимем эпизод снова. Вы не против?

– Без вопросов, Николай Петрович!

Еще бы я был против!

Мэр удаляется, а ко мне подходит Мария Сергеевна. Никак не девочка для постели, чего я почему-то ожидал, совсем наоборот. Рост – чуть больше полутора метров, лет под пятьдесят, крысиная мордочка, вся в крупных веснушках. Удивительно некрасивый человек для должности пресс-секретаря. Однако, как только тетка заговаривает, убеждаюсь, что она занимает верное место. Приятного тембра голос, замечательный, правильный русский язык, и притом – хорошее чувство юмора. Через пять минут я уже очарован ею.

Мы пишем мою речь на бумажке, я выучиваю ее наизусть, и репетиционно произношу раз пять. В речи – почти то же самое, что я только что сказал, но акценты несколько изменены, и сразу понятно, что все мною предложенное – инициатива мэра. Потом телевизионщики, в ожидании Житника, вываливаются из операционной и начинают мучить меня, несчастного. Оказывается, это называется «проходы». Они вешают на мою шею фонендоскоп (зачем, я никогда им не пользуюсь), заставляют идти по коридору – то быстро, то медленно, заходить в двери и выходить из них, разговаривать с пациентами, при этом умеренно жестикулируя (а как это – умеренно?). Потом ставят к столу, я беру скальпель и имитирую операцию. В общем, к приходу мэра я уже весь мокрый. Меня обтирают салфеткой, пудрят лицо, ставят в позу, рядом ставят Житника. Я уже проникся к нему пониманием и даже сочувствием: подвергаться каждый день таким испытаниям – нелегкая работенка. И, стало быть, я произношу выученную речь – два раза подряд, для дубля. Шпарю без запинки, с честным, красивым в своей вдохновенности и правоте русским лицом. И куча видеокамер смотрит на меня, записывает каждое движение и звук. Не то что неискренне говорю, вовсе нет, все практически честно. К тому же, не о себе радею, а о больнице. И при всем этом бесконечно благодарен тем людям, которые помогли организовать действо: молодцы, умеют!

Серафимыч показывает из-за спины телевизионщиков большой палец. Хорошо, мол, Дима!

А дальше – вообще комедия! Житник обнимает меня за плечи, говорит, что на таких, как я, врачах, русская земля держится. И еще сообщает, что в ближайшее время комплект аппаратуры будет закуплен для нашей больницы, и все ветераны города смогут лечиться у нас бесплатно, то есть за счет государственного медицинского страхования. Все улыбаются, и я сам скалюсь до спазма мимической мускулатуры. Улетел бы от счастья под потолок, но во-первых,

меня придерживает гигантской лапищей мэр, во-вторых, как-то не до конца верится. Много чего нам уже обещали, но выполнять обещанное никто не торопится.

Ладно, увидим. Слава богу, спектакль сыгран.

Но, оказывается, сыгран не до конца. Далее следует общее собрание коллектива больницы, где Николай Петрович Житник рассказывает, какой он хороший, и почему именно за него нужно голосовать. При этом он три раза говорит о покупке лапароскопического оборудования для нас, и каждый раз у меня счастливо екает сердце (я сижу в зале, в первом ряду, вымолил себе это право, а ведь пытались посадить меня в президиум). Говорит мэр несложно, косит под простоватого и демократичного мужика, в общем, народу нравится. Еле его отпускают, без конца хлопают...

Все, думаю. Закончилось, отмаялся, сейчас уедет. Приятный, конечно, дяденька наш мэр оказался, но все же подальше от начальства, как можно дальше, поближе к кухне...

Ничего подобного: сразу же после собрания зовут меня в отдельную комнатку. А там – Житник, три его неприятных типа из охраны, и приятная Мария Сергеевна, и еще несколько человек. Все вытирают пот со лба и пьют холодную минералку без газа – никаких чаев, никакого спиртного. И тут Николай Петрович говорит без обиняков:

– Дмитрий Андреевич, хотите быть моим доверенным лицом?

– В каком смысле? – спрашиваю.

Вроде, сразу все понятно, чего тут спрашивать. Но вот поверьте, не хочется лезть в предвыборную кашу, мне и сегодняшнего дня хватило с избытком. Не мое это дело, совсем не мое.

Житник сидит без пиджака, ослабил галстук, из подмышек его по светло-голубой сорочке выступают темные пятна пота. Сейчас видно, насколько он на самом деле толст и нездоров. Я не испытываю к нему ни малейшей неприязни, и все же шел бы он подальше! Мне нужна от него только аппаратура. Только. Сам он не нужен мне совсем.

А Житник делает очередной глоток из чашки и продолжает:

– Дмитрий Андреевич, не думайте, что на вас будут взвалены какие-то непомерные хлопоты. Выступать перед избирателями вам придется раза два-три в неделю, не чаще. Речи, само собой, будут написаны для вас нашей командой. И через полтора месяца все это кончится. Нам очень нужны такие надежные и конструктивно мыслящие люди, как вы. Мария Сергеевна изложит вам условия оплаты.

– А что, за это еще и платят? – спрашиваю я, выглядя, очевидно, как дурачок.

– Разумеется, – Мария Сергеевна кивает головой, лицо ее серьезно. – Официально, правда, немного – около трех тысяч рублей в месяц. А неофициально, – она прикладывает палец к губам, – еще около тридцати тысяч рублей. В месяц. Конечно, если вы будете успешно работать. Если же Николай Петрович победит на выборах, а мы в этом не сомневаемся, то вы получите определенную премию, пока не могу точно сказать ее размер, ну и, конечно, немалые возможности для продвижения по служебной лестнице.

Тридцать три штуки в месяц. Практически ни за что. Умножаем на два, получается шестьдесят шесть. Плюс премия потом – неизвестно какая, но можно догадаться, что немаленькая. Хорошо живут доверенные лица мэров!

Просто сказка, и я каким-то чудом в нее попал.

– Я согласен, Николай Петрович, – говорю.

Ну ее, мою независимость. Тем более, всего на полтора месяца.

– Вот и отлично, – говорит Житник, тяжело поднимаясь на ноги (один из охраны услужливо придерживает его при этом за локоток, второй молниеносно подает пиджак). – Завтра к вам подъедут, Дмитрий Андреевич, все что надо подпишете. До свидания, приятно было познакомиться.

Мэр с привычным кряхтением всовывает верхние конечности в рукава пиджака, поворачивается и выходит из кабинета. И команда его – за ним. А я остаюсь.

Такие дела.

Потом мы пили чай с главным врачом. С баранками, как и положено. Вдвоем, без лишних ушей.

Сперва он похвалил меня за хорошо выполненную работу. Затем я сказал ему, что меня практически назначили доверенным лицом мэра. Физиономия Серафимыча от сей новости заметно перекосилась, видно было, что не доставило это ему никакого удовольствия.

– Ты согласился? – спросил он.

– Да. А что, нужно было отказываться?

– Отказываться, конечно, нельзя... – Серафимыч поскреб пальцами в жидковатой серебряной бородачке. – Хотя хорошего в этом мало. Ожидал я, что может такое произойти, но все-таки надеялся, что обойдется.

– Что такое, Василий Серафимович? Вы переживаете, что я стану занят, оперировать не буду? Да буду обязательно, передвину все на вечер, на ночные смены...

– Да не в этом дело, – главный махнул рукой.

– А в чем же?

– Да так... Ладно, ничего страшного, переживем.

Вот, еще один любитель секретов нашелся. Мало мне Женьки...

– Главное, чтобы они нам аппаратуру купили, – заговорил я горячо, хотя и не совсем внятно из-за недожеванной сушки. – Всего полтора месяца, Василий Серафимович! Зато построим лапароскопическую! По ФОМСу статью пробьем! Как люди станем работать, а не как троглодиты!

Серафимыч, старый и тертый жизнью, очень, кстати, высокоморальный человек, родом из старообрядцев, из заволжских кержаков, покачал головой и сказал невесело:

– Не знаю, не знаю... Ты хоть телевизор-то смотришь?

– Вы про что?

– Про Житника нашего. Вряд ли он выиграет. Есть один кандидат, который вовсю его опережает.

– Кто такой? – спросил я нервно, сразу настраиваясь против доселе неизвестного мне, но априорно нехорошего соперника МОЕГО мэра. Аппаратура мне была нужна, аппаратура! Житник ее пообещал. И любой, кто встанет на нашем священном пути, будет растоптан, уничтожен, и развеян по ветру.

– Сазонов. – Серафимыч многозначительно выпятил нижнюю губу. – Кандидат Сазонов. Он предприниматель, в политике недавно, но набирает популярность с каждым днем. Странный тип, весьма странный... Но все заслуживающие уважения люди говорят, что честный. Думаю, Сазонов будет следующим мэром.

– Ну и что? Полтора месяца, Василий Серафимович! За это время мы успеем сделать все, что нужно. Житник обещал...

– Он не будет делать ничего, пока не выиграет. Тебе, Дима, небось денег посулили? За то, что будешь доверенным лицом?

– Посулили, – признался я, опустив для приличия взгляд в пол.

– Эти деньги, скорее всего, тебе заплатят. А вот все остальные муниципальные программы будут урезаны, пока не закончится компания. И медицинские тоже. Слишком много денег на выборы уходит.

– Что же за гад такой этот Сазонов! – произнес я в сердцах. – Всю песню нам портит! Может, он тоже в больницу к нам придет, мы и его уломаем?

– Нет, не придет.

– Почему?

– На него недавно совершили покушение. Настоящее, не показное. Одного охранника убили, двоих ранили. И его самого ранили.

– Ага, помню, было что-то такое, – припомнил я. – Писали, по телевизору показывали. Так это на него было?

– На него. Поэтому Сазонов стал сейчас невероятно осторожен и редко появляется на людях. Но рейтинг его растет – у нас любят страдальцев. Впрочем, смотри телевизор сам, Дмитрий, сам получай информацию. Настоятельно советую. Тем более, ты у нас теперь стал общественным деятелем...

– Пока не стал, – уточнил я. – Есть еще время подумать.

Глава 9

Домой в тот день я вернулся рано, с мечтой немедленно завалиться в постель и заснуть – напомним, что ночь была бессонной. Женя никак не отреагировала на мой приход – уткнулась в монитор, даже головы не повернула.

– Привет, Жень! – приветствовал я ее бодрым голосом. – Как дела?

В ответ – молчание. Похоже, на меня обиделись. За что, интересно?

– Что случилось? – спросил я. – Что-то не так?

Молчит.

Я подошел к Женьке, положил руки на хрупкие ее плечики, поцеловал в макушку.

– Ну, в чем я виноват, милая? Признавайся, не мучай меня.

– Зачем ты обнимаешься с этой гадиной? – сипло произнесла Женя, продолжая смотреть в экран.

– Какой гадиной? – опешил я. – Давно не обнимался ни с кем, кроме тебя. Надеюсь, ты не себя имеешь в виду?

– Житник! Гадина! Ты сегодня с ним обнимался. Я смотрела новости, все видела!

Вот уж не подозревал, что Женя смотрит местные новости и интересуется политикой.

– Не обнимался я с ним! – заявил я. – Что я, баба что ли, чтобы с ним обниматься? Просто разговор шел о нашей аппаратуре, для больницы, понимаешь? Он обещал помочь, я толкнул правильную речь. Да что говорить, ты сама видела...

– Ты прогнулся под него! – Женя резким жестом сбросила мои руки, повернулась на кресле, окатила меня злым взглядом, как ведром ледяной воды. – Ты вел себя как последняя шестерка! Ты мужик или кто? От тебя до сих пор воняет потом Житника! Иди в ванную!

Упс... Моя Женя, оказывается, не только терпеть не может мэра, но и знает, как от него пахнет. Откуда, интересно?

Меня немедленно переключило от ревности, и реакция последовала соответствующая.

– А по-моему, мэр у нас – неплохой человек, – заявил я. – Говорит и действует грамотно. Мы друг дружке явно понравились. Кстати, он зовет меня в доверенные лица и обещает отвалить за это кучу бабок, а дальше – блестящая служебная карьера...

Что тут случилось... Холодная, сдержанная в эмоциях Женька раскочегарилась в долю секунды – такой я ее никогда еще не видел. Она вскочила на ноги, цапнула меня за футболку и тряхнула с неожиданной силой – так, что зубы клацнули.

– Держись от этой сволочи подальше! – крикнула она. – Не вздумай помогать ему, ни за какие деньги! Он дрянь, дерьмо, самый гнусный человек в этом городе, понял?

– Что с тобой, милая? – спросил я. – Какая муха тебя укусила? Выпей холодной водички, успокойся...

Она не ответила. Толкнула меня так, что я едва не свалился с ног, и опрометью выскочила из комнаты. Колено ее, похоже, действовало совсем исправно.

Что тут делать? Я поплелся в ванную смыть с себя запах мэра. Дурдом, правда? Стоял под горячими струями, меланхолично намыливался и обдумывал, что эта шизня могла означать. Ничего, кроме того, что Женька когда-то переспала с Житником, в голову мне не приходило.

Стук в дверь, женин голос с той стороны:

– Открой!

Я открыл. Женя, все еще сердитая, откинула занавеску, осмотрела меня скептически, недовольно шмыгнула носом. Потом стянула маечку, сняла трусики и кинула в корзину для белья. И полезла под душ.

Она смыла с меня мыльную пену – сама, ладошками. Потом позволила мне намылить ее мочалкой. И все это молча, без единого слова. Наконец, я обнял ее, прижался всем телом, закрыл глаза. Мы стояли, безмолвно стискивая друг друга, вода стекала по нашей коже.

Наша кожа, ее и моя, общая. Я не мог не быть общим с Женей, уже не мог. Она еще могла, сопротивлялась, но ее тянуло ко мне неудержимо. Я чувствовал это, видел. Я не угодил сегодня моей богине, неделю назад она послала бы меня за такое преступление подальше безоговорочно, и я бегал бы за ней, и вымаливал прощение. Сегодня она пришла мириться сама.

– Прости, – шепнула она, спустя небольшую вечность.

– За что?

– Я накричала на тебя.

– Я не сержусь.

– Врешь, сердисься.

– Вру, сержусь.

– Ты милый, Дим, ты хороший. Не сердись.

Она поцеловала меня в губы – нежно, тихо, едва прикоснувшись, но разряд тока прошел меня с головы до пяток.

– Объясни, что случилось, – шепнул я.

– Кого ты больше любишь – меня или мэра?

Вопрос стоило занести в книгу рекордов Гиннеса в качестве рекордсмена по степени идиотизма.

– Тебя, белочка, только тебя. Куда больше, чем мэра. Клянусь.

– Извини, я была не права. Но ты же ничего не знаешь.

– Это ты тонко заметила.

– Ты не будешь его доверенным лицом?

– Не буду. Я и сам не горел желанием, а уж при такой твоей реакции... Почему ты так ненавидишь Житника? Ты что с ним... это? Ну, сама понимаешь...

– Спала с ним – ты это имеешь в виду?! – Женька захохотала громко и искренне. – С этим старым гиппопотамом? Как тебе такое в голову пришло? Ты ненормальный, Димка, да?

– Откуда ты знаешь его запах? Я понимаю, что ты подлиза, человек-собака, и все такое. Но как ты могла уловить, что запах именно Житника?

– Приходилось с ним сталкиваться, – Женя брезгливо пожала плечами. – А запахи людей я помню так же, как ты их лица.

– А издавать запахи можешь? – я тут же зацепился за секретную тему.

– Все люди могут издавать запахи.

– Я имею в виду специальные запахи.

– Феромоны? – Женя отстранилась, посмотрела на меня внимательно, прикусив белыми зубками нижнюю губу. – По-моему, так ты их называешь?

– Они самые.

– Да, умею, – сказала Женя. Сказала жестко, воткнув в меня серьезный взгляд. – И все подлизы умеют. Только это вовсе не запахи. Человек не может уловить феромон как запах. И все равно феромоны действуют – подсознательно, но очень сильно.

– Это ваша тайна.

– Одна из наших тайн. – Женя коротко кивнула.

– А на меня феромоны совсем не действуют?

– Совсем. Я выяснила это сразу же, как только... Ну в общем, еще там, в больнице.

– Тебе это непривычно?

– Очень. – Женька прижалась ко мне гладкой щекой, руки ее заскользили по моему телу. – Зато я знаю, что нравлюсь тебе по-настоящему, без всяких уловок.

– «Нравишься» – не то слово! Я люблю тебя, белочка! Очень люблю!

– Я вижу, – улынулась она. – Заметно невооруженным глазом.

Я поднял ее на руки понес в постель – такой, как была, мокрой, из под душа. Потому что времени вытираться у меня не было. Просто ни минутки.

– Белочка, моя любимая белочка! – произнес я, ласково глядя Женю по спине. Она лежала на животе, отдыхала после любовного цунами.

– Белочка? – переспросила она. – Почему ты так меня называешь?

– Ты вся такая беленькая... Кстати, почему? Лето, все ходят коричневые как негры, а ты словно снегурочка. Не любишь загорать?

– Терпеть не могу, – Женька передернула плечами.

– Что, все подлизы не загорают?

– Ну, не все... Но многие.

– Вам это нельзя? Как алкоголь?

– Почему, можно. Только вредно загорать. Рак кожи можно заработать.

– Что, боишься рака, трусишка? – спросил я шутливо. – По-моему, тебе это не грозит – молода ты слишком.

Женя резко посерьезнела, помрачнела лицом.

– Дети тоже болеют раком, – заявила она. – Уж ты-то, врач, об этом знаешь.

– Но ты не ребенок.

– Дим, у меня был рак, – сказала вдруг Женя. – Когда мне было одиннадцать, я заболела. Нефробластома, рак почки. Я лечилась целый год.

Я разинул рот от удивления. Женечка не уставала поражать меня подробностями своей биографии.

– А потом? – спросил я.

– А потом выздоровела.

– Тебе делали операцию?

– Нет. Была неоперабельная форма, третья стадия. С метастазами.

– И что, только химиотерапия? – спросил я, изумленно качая головой.

– И лучевая еще. Я была лысая, представляешь? И вся в вот таких фиолетовых пятнах, – она показала пальцами нечто размером с пятак. – И ездила в инвалидном кресле, сама ходить не могла.

Ничего себе! Признаюсь, то, что она рассказала, звучало правдоподобно. Но какой смысл было ей врать, – тем более мне, врачу?

– Нефробластома третьей стадии – очень тяжелая болезнь, – заметил я. – Такое плохо лечится. Во всяком случае, шансов дожить без операции до теперешнего твоего возраста у тебя практически не было.

– Ладно, давай не будем об этом, – она, как всегда, резко свернула разговор. – Не хочется вспоминать.

– Вот почему ты боишься больниц?

– И поэтому тоже.

– Тебя лечили за границей?

– Почему ты так решил?

– Неоперабельная нефробластома. И ты выздоровела всего за год. У нас так не умеют. Во всяком случае, не умели в то время, когда тебе было одиннадцать.

– Значит, умели.

– В Москве?

– Нет, здесь, в нашем городе.

– В нашем? За год? Кто тебя лечил?

– Не скажу!

– Кто?!

– Дим, что ты опять прицепился? – промурлыкала Женя, переворачиваясь на спину и соблазнительно вытягиваясь на простыне. – Ну не хочется мне об этом сейчас говорить.

– А чего тебе сейчас хочется?

– Угадай с трех раз.

Я угадал с первого. И то, что случилось после угадывания, понравилось нам обоим.

Глава 10

Прошло несколько дней. У меня была Женья, и она отвечала мне взаимностью. Пожалуй, это можно было назвать больше, чем просто взаимностью, но я не форсировал события. Все и так шло хорошо, шло своим чередом.

Жизнь моя наладилась, я не ощущал грядущих угроз. А Женья ощущала.

– Тебе нужен еще один сотовый, – сказала она однажды вечером. – Для связи со мной.

– Без проблем, – отозвался я, – завтра же куплю. Только не очень дорогой, денег сейчас лишних нет...

– Не покупай ничего. – Она открыла ящик стола и достала мобильник – здоровенный, с мою ладонь величиной, такие, кажется, называются смартфонами. – На, Дим, это тебе.

– Спасибо, – пробормотал я растерянно и растроганно. – Спасибо, белочка. Продолжайшь делать мне шикарные подарки?

– Это не подарок, а необходимость. Телефон специальный, и связаться по нему можно только со мной.

– Только? А какой в этом смысл?

– Чтобы чистильщики не вышли на меня. С этого телефона невозможно отследить сигнал – он работает не через официального провайдера, а через отдельный компьютер. Сигнал закодирован и все время меняется.

– Какой компьютер? Твой?

– Нет, другой. Он находится в секретном, скажем так, месте.

– А обслуживает этот комп секретный человек. Да?

– Очень секретный!

– А еще этот человек – подлиза...

– Наверное... – Женья неопределенно хмыкнула.

– Почему ты опять вспомнила о чистильщиках?

– Попробуй о них забыть... Легко тебе, Дим, за тобой не охотятся.

– Думаешь, они могут на тебя выйти?

– Не думаю, знаю. Выйдут обязательно.

– И что тогда?

– Да все тогда, – Женья многозначительно чиркнула пальцем по горлу. – Меня больше не будет. Можешь обо мне забыть.

– Я тебя не отдам! – зло заявил я. – Всех на уши поставлю, убью всякого, кто тебя хоть пальцем тронет!

– Ничего ты не сможешь сделать.

– Ну хоть какой-то шанс у тебя есть? – взмолился я. – Неужели все так безнадежно?

– Ничто не безнадежно. Нужно продержаться полтора месяца, а дальше все пойдет как надо.

От этих «полтора месяцев» торкнуло в моем мозгу не по-детски. Догадался я сразу. Да и вы, наверное, догадались.

– Мэр? – спросил я. – Он во всем виноват?

– Он, – подтвердила она, нервно перекосив рот.

– Что ты хочешь сказать? Что он как-то причастен к чистильщикам?

– Он их хозяин.

– Ну зачем, скажи на милость, мэру большого города убивать своих граждан? – произнес я страдальчески, не надеясь уже на рациональное объяснение. – Это бред сивой кобылы!

– Где бред? Гошка Варенцов, привезенный в твою больницу – бред? Люди из УВД, конкретные чистильщики, которые завалились в твою больницу на следующий день – бред? Скажи-ка, милый, какие были их фамилии? Случайно, не Валяев и Мозжухин?

– Валяев и Чемоданов, – сказал я севшим голосом.

Энтузиазма у меня убавилось, хотя не могу сказать, что его было много до этого. Мой оптимизм истаял после слов Женьки почти до невидимости. Я понял, что спокойное время, такое короткое, кончается, и дальше придется туго. Что то, от чего не спит ночами Женья – не иллюзии, а жестокая реальность. К тому же реальность, о которой я ничего не знаю, и почти не имею шансов узнать.

Куда более вероятно так – пальцем по горлу. «Бритвой по горлу, и в колодец». И не мне, а Женьке. Потому что я – во всех отношениях нормальный человек, не какой-нибудь непонятный фрагрант-подлиза. И на меня не должны охотиться в нашем устоявшемся по бандитско-ментовским понятиям социуме: ну скажите, кому нужен приличный докторишка, пусть даже прошедший некоторую школу криминальной жизни и зачем-то научившийся работать кулаками? Кому он нужен, а? Только самому себе.

И еще в этот момент я остро осознал, что конченный я человек. Что жизнь моя переломилась, рухнула с грохотом, похоронила спокойствие под бетонно-тяжелыми обломками. Осознал вдруг, что жизнь Жени для меня действительно важнее моей собственной жизни, и, следовательно, десятков-сотен жизней людей, коих я не прооперирую, и не выдерну привычно с того света. Что я действительно живу больше не собой, а ей – странной девочкой-белочкой, выглядящей как десятиклассница, а на самом деле двадцати восьми лет (что тоже совсем немного, уверяю вас), и живу ею вовсе не потому, что она может выделять какие-то там непахнущие запахи. А потому лишь, что жить без нее не могу.

– Тебе повезло, Дим, – сказала Женья. – Повезло, что не было там Мозжухина. Это настоящий перфоратор, поверь мне. Он вбуривается в души как сверло, выбрызгивает мозги наружу – умело, без малейшего стеснения. Он изощренный ловец человеков, язвительный и жестокий. После десяти его слов чувствуешь себя изнасилованным десять раз.

Она вдруг заговорила другим языком – более богатым и образным, чем прежде, показала себя с новой стороны. Проявила ко мне новую степень доверия?

– Почему мэр на вас охотится?

– Он не хочет, чтобы подлизы жили в нашем городе. Он считает этот город своей собственностью – до последнего человека, до последней крысы с помойки, и уверен, что волен делать со своей собственностью все, что взбредет в голову.

– А в других городах есть подлизы?

– Нет. Единственное место в мире, где мы обитаем – наш город.

– Может быть, вам уйти в другой город? В какой-нибудь большой – в Нижний Новгород, к примеру, или в Питер, или даже в Москву. Там вы растворитесь в толпе народа, будете незаметны.

– Мы и так незаметны, – она упрямо тряхнула головой. – Нет, нет, мы не уйдем отсюда, это наш город! Пусть уйдет Житник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.